

ХЕЛЬСИНКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Оправдание присоединения Крыма к Российской Федерации

Дискурсивная легитимация в официальных
заявлениях РФ

Alisa Ruuska
Pro Gradu -tutkielma
Venäjän kieli ja kirjallisuus
Kielten osasto
Helsingin yliopisto
Huhtikuu 2020

Tiedekunta – Fakultet – Faculty Humanistinen tiedekunta		Koulutusohjelma – Utbildningsprogram – Degree Programme Kielten maisteriohjelma	
Opintosuunta – Studieriktning – Study Track Venäjän kieli ja kirjallisuus			
Tekijä – Författare – Author Alisa Ruuska			
Työn nimi – Arbetets titel – Title Opravdanie prisoedinenija Kryma k Rossijskoj Federacii – Diskursivnaja legitimacija v oficial'nyh zjavlenijah RF			
Työn laji – Arbetets art – Level Pro gradu -tutkielma	Aika – Datum – Month and year Huhtikuu 2020	Sivumäärä– Sidoantal – Number of pages 80	
Tiivistelmä – Referat – Abstract			
<p>Tutkielmassa tarkastellaan kriittisen diskurssianalyysin avulla, kuinka Krimin liittäminen Venäjään on kielellisesti oikeutettu Venäjän federaation virallisissa tiedonannoissa. Tutkimusaineisto koostuu kuudesta transkriboidusta puheesta, jotka on haettu Integrum-tietokannasta hakulausekkeella "Krim ja liittäminen" aikavälillä 17.3.2014–30.4.2014. Kaksi valituista puheista on Venäjän ulkoministerin Sergei Lavrovin, kaksi silloisen Duuman puheenjohtajan, Sergei Naryshkinin, yksi presidentti Vladimir Putinin ja lisäksi materiaalina on transkriptio Krimin Venäjään liittämisen seremoniasta Kremlissä.</p> <p>Tutkielman metodi on pääosin kvalitatiivinen ja se pohjautuu kriittisen diskurssianalyysin teoreetikon Theo van Leeuwenin teoriaan diskursiivisesta legitimaatiosta. Teoriassa on jaoteltu neljä kategoriala: auktorisointi, moralisointi, rationalisointi ja tarinan kerronta, joiden kautta esimerkiksi jokin poliittinen toimi voidaan kielellisesti oikeuttaa yhteiskunnassa. Van Leeuwenin teorian mukaan jonkin asian oikeuttamiseksi ei tarvitse käyttää kaikkia kategorioita, mutta yhden kategorian esiintyminen on välttämätöntä. Lisäksi on otettava huomioon, että oikeuttamisen eri kategorioita voi käyttää sekä jonkin asian legitimoimiseksi että delegitimoiduksi. Auktorisoinnin kategoria pitää sisällään viittaukset muun muassa lakiin ja sääntöihin, asiantuntijoihin, enemmistön mielipiteeseen ja perinteisiin. Moralisoinnilla tarkoitetaan viittauksia moraaliin ja moraalijärjestelmiin ja oikeuttamisen kohde legitimoidaan arvoihin viitaten. Rationalisoinnin kategoria puolestaan pitää sisällään oikeuttamisen rationaalisten kaavojen kautta, esimerkiksi viittaamalla hyötyyn, vaikutuksiin ja seurauksiin. Tarinan kerronnalla tarkoitetaan puheissa käytettäviä niin kutsuttuja tositarinoita tai moraalitarinoita, joissa toimija joko palkitaan yhteiskunnallisesti hyväksytyyn toiminnan vuoksi tai rangaistaan normien vastaan toimimista.</p> <p>Van Leeuwenin teorian lisäksi tutkielmassa tarkastellaan puheita retorisen vaikuttamisen keinojen kuten leksikaalisen toiston, vastakkainasettelun, tunteisiin vetoamisen ja kielikuvien kautta. Tutkielman tarkoituksena on selvittää, mitä kaikkia van Leeuwenin teorian kategorioista on käytetty Krimin Venäjään liittämisen oikeuttamiseksi, ja mitä kategorioista mahdollisesti on käytetty eniten. Tarkastelun alla on myös laajemmin puheissa käytetty kieli ja Venäjän valtion tiedonantojen johdonmukaisuus.</p> <p>Tutkimustulokset osoittavat, että käytetyin oikeuttamisen kategoria puheissa on auktorisointi. Kuitenkin lukuun ottamatta tarinan kerronnan kategoriala, kaikki kategoriat esiintyvät valtion tiedonannoissa suhteellisen tasapuolisesti. Analyysin mukaan Krimin liittäminen Venäjään on pääasiallisesti oikeutettu viitaten kansainväliseen lakiin tai sopimuksiin, asiantuntijoihin (usein nimeltä mainitsemattomiin), enemmistön mielipiteeseen, Ukrainan etnisten vähemmistöjen kärsimyksiin ja pelastamiseen, ulkoiseen, läntiseen uhaan ja Krimin niemimaan ja Venäjän yhteiseen historiaan. Käytetyimpien vakuuttamisen retoristen keinojen joukossa puheissa oli vastakkainasettelu, leksikaalinen toisto, tunteisiin vetoaminen sekä ironian ja metaforien käyttö. Samat argumentit ja retoriset keinot toistuivat eri tiedonannoissa, mikä todistaa tiedonantojen johdonmukaisuuden.</p>			
Avainsanat – Nyckelord – Keywords Krimin liittäminen, Venäjä, kielitiede, kriittinen diskurssianalyysi, diskursiivinen legitimaatio, oikeuttaminen, retoriikka			
Säilytyspaikka – Förvaringställe – Where deposited Humanistisen tiedekunnan kirjasto – Helda / E-thesis (opinnäytteet)			
Muita tietoja – Övriga uppgifter – Additional information Työn nimi suomeksi: Krimin Venäjään liittämisen oikeuttaminen: Diskursiivinen legitimaatio Venäjän federaation virallisissa tiedonannoissa			

Оглавление

1. Введение	3
2. Предварительные замечания.....	4
2.1 Кризис на Украине.....	4
2.1.1 Крымский полуостров	5
2.1.2 Присоединение Крыма к Российской Федерации	6
2.1.3 Международное право.....	7
2.2 Язык и политика.....	9
2.2.1 Критический дискурс-анализ.....	9
2.2.2 Современные направления	10
3. Дискурсивная легитимация.....	12
3.1 Апелляция к авторитету	14
3.2 Моральная оценка.....	15
3.3 Рационализация.....	16
3.4 Мифопоэтика.....	17
3.5 Риторические средства	18
3.5.1 Риторическое убеждение	19
3.5.2 Изобразительность речи.....	22
4. Методы и анализ материала.....	23
4.1 Материал.....	24
4.2 Апелляция к авторитету	27
4.2.1 Безличный авторитет.....	28
4.2.2 Авторитет эксперта.....	32
4.2.3 Авторитет большинства	34
4.2.4 Авторитет традиции	37
4.3 Моральная оценка.....	38
4.3.1 Оценочные способы	39
4.3.2 Абстрагирование.....	43
4.3.3 Аналогия	47
4.4 Рационализация.....	51
4.4.1 Инструментальная рационализация.....	52
4.4.2 Теоретическая рационализация.....	57
4.5 Мифопоэтика.....	61
4.5.1 Исторически-поучительные рассказы	62
5. Дискуссия	66
5.1 Теория ван Левена	66
5.2 Риторические особенности	71
6. Заключение	74
Список использованной литературы.....	76
Список использованных правовых документов.....	78
Список изучаемого материала	79

1. Введение

В конце 2013 года на Украине начались массовые демонстрации, которые продолжились в более ожесточенной форме весной 2014. Посреди массовых протестов так называемого *Евромайдана* в столице Украины Киеве и нестабильной ситуации на Украине в марте 2014 года в Автономной Республике Крым был проведен референдум о вхождении в состав Российской Федерации. Присоединение Крыма к России было провозглашено Российским государством 18 марта 2014 года. Присоединение остается до сих пор непризнанным международным обществом и в том числе не соответствует конституции Украины. Мы коснемся этого вопроса с точки зрения международного права.

В нашей работе особый интерес заключается в том, чтобы понять, как именно данные действия оправдываются языковыми средствами в официальных заявлениях Российской Федерации. Мы исходим из лингвистической точки зрения на этот вопрос и опираемся на критический дискурс-анализ государственных заявлений Российской Федерации. Мы будем рассматривать особые риторические средства языка оправдания согласно теории дискурсивной легитимации Тео ван Левена.

Критический дискурс-анализ является одной из областей общего дискурс-анализа, которая ограничивается в основном исследованием политического дискурса. Классическая теория отношений между языком и политикой берет начало в трудах Аристотеля. Современный критический дискурс-анализ используется в основном с целью анализировать социальные отношения в обществе, в том числе отношения между языком и политикой. Исследованные темы включает в себя дискурс относительно таких общественных проблем, как, например, неравенство и расизм. При помощи критического дискурс-анализа можно понять лингвистические приемы, которыми политические деятели стремятся влиять на общее мнение граждан.

Оправдание политических действий политических деятелей является важной частью анализа политического дискурса, и одна из теорий в этой области называется дискурсивной легитимацией. Слово «легитимация» обычно связывают с законодательными терминами, но в критическом дискурс-анализе данный термин понимается в значении оправдания действий, совершенных политическими деятелями. Мы будем анализировать в нашей работе, какие средства дискурсивной легитимации использованы при оправдании присоединения Крыма к Российской Федерации в официальных государственных заявлениях и какие риторические средства убеждения при этом применены. Мы рассмотрим также и то, повторяются ли одни и те же языковые средства в разных заявлениях,

какими средствами дискурсивной легитимации пользуются чаще всего и что использованные средства убеждения говорят о официальном языке Российского государства. Материалом исследования послужили расшифровки трансляций выступлений Президента Владимира Путина, тогдашнего Председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина и Министра иностранных дел Сергея Лаврова по поводу присоединения.

2. Предварительные замечания

В основу этой работы положен дискурс, используемый в контексте так называемого *кризиса на Украине*. В следующем разделе 2.1 будут рассматриваться события на Украине с точки зрения истории и международного права, после чего мы сосредоточимся на отношениях между языком и политикой критическом дискурс-анализе и современных вариантах его применения на общем уровне в разделе 2.2. В последующих разделах будут определены все необходимые для исследования события и введены соответствующие термины. Таким образом эта глава станет основой нашей работы.

2.1 Кризис на Украине

В нашем исследовании мы будем использовать термин «кризис на Украине» в отношении к событиям на Украине весной 2014 года. Другими использованными терминами являются «война на Украине» и «конфликт на Украине». Согласно статье Роман и др., война в восточной Украине является «самым кровавым и brutальным конфликтом в Европе после войны на территории бывшей Югославии в 90-ых годах» (Roman et al. 2017: 357, *перевод наш, А.Р.*). Несмотря на то, что в результате данной войны в восточной Украине погибли и погибли тысячи людей, самое распространенное название конфликта – *кризис на Украине*, и поэтому мы будем использовать данное название и в нашей работе (там же).

Политическая ситуация на Украине еще до демонстраций *Евромайдана* не была стабильной. Массовые демонстрации произошли на Украине также в 2004 году вовремя президентских выборов, так называемой *Оранжевой революции*, когда собиралась люди на улицах, чтобы протестовать против нечестных выборов. На выборах было два кандидата, Виктор Янукович, кандидат партии прежнего президента Леонида Кучмы, и Виктор Ющенко, «прозападный» кандидат оппозиции. Победу на выборах одержал Янукович с 49,42% голосов, но резуль-

тат пробудил сомнения среди граждан Украины, и после заявления о фальсификациях на выборах оппозиция организовала демонстрации, предъявляя претензии и утверждая необходимость проведения новых выборов. В 2004 году на демонстрации в Киеве протестовали почти миллион людей. (Mitchell 2012: 48–50.) Согласно вышеуказанному исследованию Митчела, в реальности украинский народ был достаточно четко разделен между этими двумя кандидатами: сторонники Януковича в первую очередь были из восточной Украины, а сторонники Ющенко – с западной Украины (Mitchell 2012: 60). В результате протестов был организован третий тур голосования, в котором победил Ющенко с 55% голосов. Однако в 2010 году на президентских выборах победил Янукович, который находился у власти в последующие три года. (Gerlach 2014: 11.)

Вследствие того, что Янукович не подписал договор об ассоциации с Европейским союзом, в Киеве опять начались массовые протесты против руководителей украинского государства 24 ноября 2013 года. (Рожин 2015: 7, Robinson 2016: 109.) Демонстрации и другие выражения протеста начали называть *Евромайданом* из-за названия площади (*майдан*), на которой они происходили, и повода, по которому они состоялись (стремление войти в Евросоюз) (Robinson 2016: 109). Протесты обострились в дальнейшем 16 января 2014 года, когда 12 новых «антипротестных законов» были приняты Верховной радой Украины (Sakwa 2015: 83). Протесты *Евромайдана* в конце концов привели к смене власти в феврале 2014 года (Kofman et al. 2017: 1). После бегства Януковича из Киева и его отъезда из страны люди начинали протестовать на востоке Украине, где традиционно проживают его сторонники. Дополнительно, 23 февраля, украинское временное правительство аннулировало закон об официальном статусе русского языка, принятый в 2012 году, что спровоцировало выступления этнических русских в восточной Украине. (Kofman et al. 2017: 33–34, Robinson 2016: 109.)

2.1.1 Крымский полуостров

Крымский полуостров был передан из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) в состав Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) Первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым в 1954 году. Народ Крыма, тем не менее, оставался по большей части русскоязычным и этнически русским – передача не играла большой роли, пока обе республики оставались в составе Советского Союза. (Kofman et al. 2017: 16.) После распада СССР 12 февраля 1991 года Украина выдала автономный статус Крымской Республике. Этнически русское население в Крыму настаивало на еще более независимом статусе для Крыма, а параллельно с этим, в мае 1992 года, Российская Государственная Дума заявила, что считает передачу Крыма в

1954 году незаконной. Только в 1994 году, когда Леонид Кучма стал президентом Украины, отношения между Москвой и Киевом улучшились. (Hilpold 2015: 243.)

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, 58,5% жителей Автономной Республики Крым считали себя этнически русскими (ВПН 2001а). Согласно той же переписи, 77% населения Автономной Республики Крым назвали русский язык в качестве родного, в то время как украинский язык выбрали в качестве родного 10,1% населения (ВПН 2001б). В Севастополе 71,6% населения считали себя этнически русскими, а 90,6% назвали русский своим родным языком (ВПН 2001в, ВПН 2001г). Однако Саква (2015) отметил, что наряду с такими результатами в 2005 году 67% жителей восточной Украины ответили положительно на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом Украины?» по данным опроса Центра Разумкова (Sakwa 2015: 12). Саква в том числе отметил, что за присоединение к России в опросах, проведенных в 2011–2014 годах, положительно высказались 23–41% жителей Крымского полуострова (Sakwa 2015: 103).

Для нашего исследования важно рассматривать и демографию Крымского полуострова, поскольку мы исходим из предположения, что тема совместной истории будет поднята в официальных заявлениях о присоединении Крыма к Российской Федерации.

2.1.2 Присоединение Крыма к Российской Федерации

В 2014 году, после обострения ситуации с демонстрациями на Украине, 22 февраля началась военная операция Российской Федерации на Крымском полуострове. 24 февраля в Севастополе появился новый, русский мэр (Kofman et al. 2017: 7–10). 28 февраля аэропорт Симферополя был оккупирован неопознанными солдатами, которых позже признали солдатами вооруженных сил Российской Федерации. Эти солдаты в зеленых униформах без знаков различия получили прозвище *зеленых человечков* или *вежливых людей*. В течение недели слабое государство Украина потеряло контроль над Крымским полуостровом. (Sakwa 2015: 103–104, Leonaitė & Žalimas 2016: 15, Hilpold 2015: 246–247.)

1 марта протестующие в восточной Украине захватили административные здания в Харькове и Донецке, 9 марта в Луганске, после чего флаги Российской Федерации появились на административных зданиях этих регионов (Black & Plekhanov 2016: 243). Далее, 16 марта в Крыму был проведен референдум, на который были вынесены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части

Украины?». По данным комиссии референдума, 83% взрослых жителей полуострова приняли участие в голосовании и 96,7% из них голосовали за воссоединение с Россией. (Sakwa 2015: 104, РИА Новости 2014.) В результате референдума, 17 марта 2014 года Совет Крыма провозгласил независимость, вследствие которой 18 марта 2014 года президент Российской Федерации Владимир Путин подписал «Договор о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию» (Hilpold 2015: 244, Кремль 2014).

2.1.3 Международное право

Присоединение Крыма к Российской Федерации до сих пор остается непризнанным международным обществом. В этом разделе мы рассматриваем данный вопрос с точки зрения международного права через принципы самоопределения и сдерживания угрозы или уклонения от применения силы. Объектом нашего исследования является то, на чем основывает международное сообщество свое непризнание присоединения. Основательно в этой работе мы коснемся присоединения Крыма к Российской Федерации под тем же углом зрения.

Согласно статье 1 (2) устава Организации Объединенных Наций, членом которой Российская Федерация до сих пор является, цели организации включают в себя в том числе следующую:

Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира (Устав ООН: Статья 1, пункт 2.)

Однако содержание принципа «самоопределения» остается неясным и спорным с точки зрения международного права, а именно, того, насколько принцип подходит к ситуациям, где «народы» – это не народы бывших колоний, не бывших самоуправляемыми территорий или оккупированных территорий (Leonaitė & Žalimas 2016: 23).

Референдум, проведенный на Крымском полуострове 16 марта 2014 года, вызвал критику из-за того, что на месте вовремя референдума не было наблюдателей из третьих стран. Таким образом, референдум являлся незаконным в глазах международного общества. Несмотря на принцип самоопределения, проведение референдума не соответствовало украинской конституции. В дополнение к этому, Российская Федерация является членом Совета Европы, Венецианская комиссия которого в своем заключении от 21 марта 2014 года осудила референдум за то, что он не соответствовал конституции Украины, а условия для прове-

дения референдума не соответствовали европейским демократическим стандартам, поскольку референдум был проведен в присутствии военных сил на данной территории (Venice Commission 2014). Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию «о территориальной целостности Украины» 27 марта 2014 года (ООН 2014). Согласно резолюции, Генеральная Ассамблея в том числе:

подчеркивает, что референдум, проведенный в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 года, не имея законной силы, не может быть основой для любого изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя. (ООН 2014.)

Другим противоречием закону в этом конфликте является нарушение Российской Федерации принципа ООН «воздерживаться от угрозы силой или ее применения» (Устав ООН: статья 2, пункт 4). *Сила* дальше сформулирована в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 3314. Согласно статье 3 резолюции, актом агрессии являются в том числе:

вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее. (ООН 1974.)

Этот пункт оказался нарушенным государством Российская Федерация, когда на территории Украины находились вооруженные силы Российской Федерации до и вовремя референдума на Крымском полуострове (Совет Федерации 2014).

В этом разделе 2.1 мы рассматривали политическую ситуацию Украины последних лет, историю и демографию Крымского полуострова, события весны 2014 года в Крыму, а также присоединение Крыма к России с точки зрения международного права. В нашем исследовании мы коснемся темы присоединения с точки зрения международного сообщества, которое до сих пор не считает присоединение Крыма к Российской Федерации легитимным. Представленная тут точка зрения необходимая для анализа, и мы предполагаем, что в официальных заявлениях будут сделаны отсылки в том числе к международному праву, к совместной истории Крыма и России и демографии полуострова, как и к нестабильной политической ситуации Украины последних лет. В следующем разделе мы сосредоточимся на рассмотрении критического дискурс-анализа и его направлений.

2.2 Язык и политика

В этом разделе мы рассматриваем связь между языком и политикой через основные теории дискурса. Мы исходим из классического понятия связи между языком и политикой, после чего представляем общую теорию критического дискурс-анализа и ее современные направления. Представлены будут и главные исследователи, трудившиеся в рамках критического дискурс-анализа, в том числе главные исследования, важные для этой работы. Критическому дискурс-анализу уделяется одна из главных ролей в нашей работе.

Первоначально Аристотель писал в своем труде *Политика* про отношение между языком и политикой. По словам Аристотеля, человек – существо политическое и имеет власть через речь. Норман и Изабелла Фэркло понимают определение Аристотеля «власть речи» так, что ее назначение состоит в том, что человек способен использовать эту власть в политическом смысле (Fairclough & Fairclough 2012: 19). В следующей своей работе, *Риторике*, Аристотель определяет три естественных рода риторических речей: совещательные, судебные и эпидиктические (Риторика 1358). Под совещательными речами сегодня подразумевается политическая риторика, поскольку дело данного рода речей, по Аристотелю, «склонять или отклонять». Дело судебных речей – «обвинять или оправдывать», и сегодня под ними подразумевают судебную риторику. Последний род – эпидиктический, дело которого состоит в том, чтобы «хвалить или порицать», сегодня под ними подразумевается церемониальная риторика. (Риторика 1358, Fairclough & Fairclough 2012: 19.) В «Риторике» также определены три способа убеждения – один зависит от характера говорящего (греч. 'éthos'), второй от эмоций слушателей (греч. 'páthos'), а третий от аргументов говорящего (греч. 'lógos') (Posch 2017: 248). Риторические средства убеждения рассматриваются дальше в главе 3.5.

В общем, многие современные исследователи в сфере политики признают, что она тесно связана с языком. Эта мысль исходит из того, что политика включает в себя дебаты, сообщение и убеждение, другими словами – коммуникацию. Таким образом, язык является главным предметом политики (Hague & Harrop 2004: 3).

2.2.1 Критический дискурс-анализ

Под критическим дискурс-анализом (англ. Critical Discourse Analysis, CDA, рус. КДА) понимают обычно анализ политического дискурса. В критическом дискурс-анализе язык рассматривается в качестве «социальной практики» и при-

нято также акцентировать внимание на контексте языка. Объектом рассмотрения, таким образом, является дискурс в общественном контексте. (Fairclough & Wodak 1997: 258.)

Сегодня критический дискурс-анализ занимается, в первую очередь, исследованием социального неравноправия и злоупотребления властью, а также того, как они представлены, чем оправданы и каким образом выстроены либо в письменном, либо в устном виде в социальных и политических контекстах (van Dijk 2015: 466). Критический дискурс-анализ является одним из направлений общего дискурс-анализа, ограничиваемым политическим общественным дискурсом. Ван Дейк задает критический дискурс-анализ «критической перспективой» дискурс-анализа, а не одним методом его (там же). Мы будем рассматривать различия между исследованиями дальше в разделе 2.2.2, посвященном современным направлениям этой теории. Цель исследователя, работающего в рамках критического дискурс-анализа, по ван Дейку, заключается в понимании, раскрытии и определении социальных проблем или злоупотреблений власти (там же). Микро- и макроуровни дискурса играют особую роль в критическом дискурс-анализе, поскольку исследователь с этой, критической точки зрения, обращает внимание на пробел между этими двумя уровнями. Под микроуровнем подразумевают использование языка, дискурс и вербальное взаимодействие. Макроуровень включает в себя, например, власть, доминирование и неравноправие между разными социальными группами. (van Dijk 2015: 468.)

Критический дискурс-анализ не имеет особого метода исследования, но в исследовании широко используются разные методы дискурс-анализа (van Dijk 2015: 468; Weiss & Wodak 2003: 12). Следовательно, в исследовании методом критического дискурс-анализа используются концепты, например, из теории аргументации, прагматики, семантики и риторики (Fairclough & Wodak 1997: 258). Многие исследователи этого направления попытались создать общие методы или цели анализа, но ясных рамок еще нет – существует только много разных теорий (Fairclough & Fairclough 2012: 17). Вайс и Водак (2003) отмечают, что это не только проблема, но есть и позитивный аспект: множественность теории может считаться и сильной стороной критического дискурс-анализа (Weiss & Wodak 2003: 6).

2.2.2 Современные направления

Поскольку в теориях критического дискурс-анализа не существует одного общего подхода или метода исследования, в этом разделе мы будем рассматривать разные подходы главных исследователей. Как уже было показано в прошлом

разделе, главными исследователями в области критического дискурс-анализа являются, в частности, Норман и Изабелла Фэркло, Рут Водак, Тён ван Дейк, Пол Чилтон и Тео ван Левен.

Норман и Изабела Фэркло (2012) определяют политический дискурс в первую очередь как аргументативный и совещательный. Их теория, таким образом, основана на теории аргументации (Fairclough & Fairclough 2012: 35). Их главный аргумент состоит в том, что аргументы создаются через практические рассуждения и ограничиваются этим видом теории аргументации со своей оригинальной точкой зрения (Fairclough & Fairclough 2012: 2).

Другим из самых распространенных подходов критического дискурс-анализа является дискурсивно-исторический подход (англ. Discourse-historical approach, ДИА). Этот подход ограничивается аргументативной точкой зрения, но при этом подходе аргументы понимаются как дискурсивные *стратегии* (Fairclough & Fairclough 2012: 23). Главным исследователем в области данного подхода является Рут Водак (Ruth Wodak). Согласно этому подходу, политические действия разделяются на разные «области действия», у которых есть свои особые дискурсы. Этими областями являются «законодательная процедура», «формирование публичного мнения и самопрезентация», «развитие мнения внутри политической партии», «политическое рекламирование, маркетинг и пропаганда», «политический исполнитель и администрация» и «политический контроль» (Meyer & Wodak 2001). Объектом исследования, согласно этому подходу, становится интертекстуальность этих разных дискурсов из разных областей политики. Согласно этому подходу, контекст состоит из разных уровней: лингвистический контекст (co-text), интертекстуальный и интердискурсивный уровень, экстралингвистический уровень, социально-политический уровень и исторический уровень (Будаев 2016: 13). Водак дальше определяет дискурсивные стратегии, которыми являются, согласно ее положениям, *номинация*, *предикация*, *аргументация*, *интенсификация* (mitigation) и *перспективизация* – при помощи которых достигаются дискурсивные цели (Meyer & Wodak 2001: 11).

Пол Чилтон (Paul Chilton, 2004) также является широко известным исследователем в сфере критического дискурс-анализа (Fairclough & Fairclough 2012: 20). Чилтон не определяет политический дискурс как аргументативный в своей основе, а ограничивается анализом *репрезентацией*. Согласно Чилтону, язык и политическое поведение основаны на когнитивных частях человеческого ума, а вместе они не являются социальными практиками. Политический дискурс, таким образом, в принципе включает в себя виды репрезентации, с помощью которых политические деятели, например, осуществляют свои высказывания с применением доказательств. (Chilton 2004: 23–29.)

Социо-когнитивный подход Тёна ван Дейка (Socio-cognitive approach, Teun van Dijk, 2009) изучает отношения между когнитивными структурами, дискурсом и обществом (Будаев 2016: 13). Согласно этому подходу, дискурс является в своей основе продуктом индивидуальных и коллективных психических процессов, то есть личная и коллективная память людей имеет центральную роль при этом подходе (Chilton 2004: 51). Эта память далее создает предостережения, которые используются в политическом дискурсе, например, об этнических меньшинствах (van Dijk 2014: 45–46).

Тео ван Левен (2008) (Theo van Leeuwen) определяет дискурс как акт нового определения социальной практики. Внимание в исследовании ван Левена направлено на то, каким образом дискурс основывается на социальных практиках и как дискурс меняет данные практики. При этом подходе язык также, как в теории ван Дейка, является когнитивным процессом, и теория основана на репрезентациях этих процессов и социальных практик. (van Leeuwen 2008: 4–6.) Ван Левен известен также своей теорией о легитимации (1996 & 2008), которую он первый раз представил в своей работе «Грамматика Легитимации» в 1996 году (The Grammar of Legitimation). Эта теория легитимации является основной для нашего исследования и представлена дальше в следующей главе. Мы считаем, что теория ван Левена лучше всего подходит к анализу нашего исследовательского вопроса, поскольку речь идет именно об оправдании политических действий политических деятелей.

Итак, в разделе 2.2 мы рассмотрели основные теории соотношения между языком и политикой, например, критический дискурс-анализ и разные его направления в отсутствие общего метода. Как упомянуто в разделе 2.2.1, цель критического дискурс-анализа состоит в понимании, раскрытии и определении социальных проблем, например, злоупотребления властью или неравноправия. В нашем исследовании мы исходим из необходимости раскрытия видов оправдания присоединения Крыма к Российской Федерации.

3. Дискурсивная легитимация

В этой главе будем говорить о теории дискурсивной легитимации Тео ван Левена, которая является основной теорией в нашей работе. В начале рассматриваем теорию дискурсивной легитимации Тео ван Левена и представляем категории языкового оправдания, которые она содержит. В последних разделах рассматриваем риторические средства, подходящие нашему исследованию, при помощи которых дальше анализируем язык оправдания в аналитической главе 4.

Слово *легитимация* определено в «Большом толковом словаре русского языка» Кузнецова (2001) следующим образом:

Легитимация, -и; ж. *Юрид.* 1. Признание или подтверждение законности какого-л. права или полномочия; документ, подтверждающий это право или полномочие. 2. В законодательстве некоторых стран: узаконение внебрачных детей. (БТС 2001: 489.)

Как видно из словаря, легитимация обычно связывается лишь с юридическим понятием слова. Однако в сфере критического дискурс-анализа под этим словом также подразумевают дискурсивное оправдание какого-то действия. (Reyes 2011: 782.) Под легитимацией понимают таким образом процесс, в котором оратор стремится к оправданию или одобрению какого-то действия. Тактики легитимации тесно связаны с аргументативными стратегиями, и иногда их и классифицируют как часть аргументативных стратегий. (там же.) Цель дискурсивной легитимации, кроме оправдания через аргументы, состоит в том, чтобы действия оказались одобренными. Задача исследования состоит в рассмотрении того, как язык используется при легитимации действий, например, политических деятелей или общественных групп. (van Leeuwen 2008: 8–12.) В этой работе мы будем анализировать дискурсивные способы легитимации, обнаруженные в официальных документах Российской Федерации, при помощи подхода ван Левена.

По ван Левену (2008), кроме изменения социальных практик в дискурсе, надо обратить внимание на легитимацию данных социальных практик. Иными словами, имеются в виду ответы на вопросы: «Почему нам надо так делать?» или «Почему нам делать это именно таким образом?» (van Leeuwen 2008: 105). По ван Левену, главными категориями дискурсивной легитимации являются *authorization*, *moral evaluation*, *rationalization* и *mythopoesis* (van Leeuwen 2008: 105). Эти термины были переведены Анастасией Колмогоровой на русский следующим образом: *стратегия апелляции к авторитету*, *стратегия моральной оценки*, *стратегия рационализации* и *мифопоэтическая стратегия* (Колмогорова 2018а: 36). В своем исследовании мы используем те же названия и именуем категории, соответственно, как *апелляция к авторитету*, *моральная оценка*, *рационализация* и *мифопоэтика*. Через данные четыре категории ван Левен стремится дать критический анализ дискурса легитимации. (van Leeuwen 2008: 105–106.)

Формы легитимации, представленные в субкатегориях данных четырех категорий, могут быть использованы в качестве или легитимации, или делегитимации, чтобы либо оправдать действия, либо раскритиковать их. Данные формы могут встречаться отдельно или совместно – в каждом изучаемом дискурсивном материале используются не все категории, но чтобы успешно оправдать какие-

то действия, согласно ван Левену, достаточно использовать лишь одну категорию теории. Помимо этого, в изучаемом тексте или речи может быть вполне достаточно определенных видов легитимации, или они могут быть шире распространены в тексте или речи. (van Leeuwen 2007: 92, van Leeuwen 2008: 105–106.) В следующих разделах мы будем представлять данные четыре категории и рассматривать, какие дискурсивные средства оправдания они содержат.

3.1 Апелляция к авторитету

Легитимация, то есть оправдание какого-то действия, может быть совершена, например, через категорию *апелляции к авторитету*. В рамках этой категории оправдание действий совершается через референцию к какому-то авторитету, либо к неодушевленному, либо к одушевленному. Ван Левен дальше определяет в своей теории шесть субкатегорий в рамках категории апелляции к авторитету: *personal authority*, *expert authority*, *role model authority*, *impersonal authority*, *the authority of tradition* и *the authority of confirmity* (van Leeuwen 2008: 106–109). Соответственно, они переведены Колмогоровой как *личный авторитет*, *авторитет эксперта*, *авторитет «модели»*, *безличный авторитет*, *авторитет традиции* и *авторитет «большинства»* (Колмогорова 2018а: 36). Мы будем использовать данные термины в нашем исследовании.

Под субкатегорией *личного авторитета* подразумевают статусный авторитет говорящего – этот аспект авторитета может быть очевидным, когда речь идет о политическом дискурсе, поскольку в них говорящий – политический деятель и, возможно, уже имеет какой-то статус в обществе (van Leeuwen 2008: 106). Субкатегория *авторитет эксперта* содержит референцию к экспертному авторитету. Такого вида оправдания используются в политическом дискурсе часто, поскольку слова эксперта, или специалиста в какой-то области, кажутся убедительными. Дискурсивными средствами данной субкатегории могут быть, например, использование прямых цитат или непрямая референция типа «Эксперты сообщают...» (там же: 107).

Возможным является также оправдание через референцию к *авторитету «модели»*. Под «моделями» обычно подразумевают либо известных людей, либо иным образом уважаемых людей в обществе или в маленьком круге лиц. Ван Левен показывает, что вместе с референцией к этим моделям используются позитивные прилагательные, как, например, «умный» или «опытный», как в его примере «опытный преподаватель». В психологии феномен кумиров называется «символическим интеракционизмом» и представляет собой изучение того, как люди относятся к мнениям в группе. (там же: 108.)

Под субкатегорией *безличного авторитета* подразумевают оправдание действий через референцию к чему-то безличному, сохраняющему авторитет, например, к закону или к какому-то правилу: «Так по закону положено» (Колмогорова 2018а: 36). В этой связи уместными будут существительные типа «регуляция», «правило», «закон» и так далее или прилагательные типа «обязательный», «принудительный» и так далее (van Leeuwen 2008: 108).

Субкатегория *авторитета традиции* содержит оправдание через референцию к «традиции», «привычке» или «обычаю» (там же). Она тесно связана с понятием субкатегории *авторитета большинства*, в которой вместо понятия «принято так делать» понятием является «все остальные так делают» (там же: 109). Аргументом в субкатегории авторитета большинства таким образом является то, что «тебе надо было делать так, потому что большинство так и делает», и оправдание совершается через референцию к большинству (там же).

3.2 Моральная оценка

Дискурсивная легитимация через стратегию моральной оценки основана на моральных ценностях и совершается через моральную шкалу «хорошо — плохо». Однако способы оправдания через моральные средства не всегда являются ясными из-за того, что их часто используют в специфических дискурсах, и на то, к каким моральным ценностям делается референция, влияет в том числе культура и история данного дискурсивного события. Тем не менее существуют и более ясные примеры, как, например, политический дискурс, использованный американским президентом Джорджем Бушем в отношении оправдания военных действий США: врагов обозначали при помощи выражения «ось зла» (van Leeuwen 2008: 110). Часто оправдание через моральную оценку выполняется частично через противопоставление между «нами» и «другими». Ван Левен отмечает, что для того, чтобы понимать моральные значения в каком-то политическом оправдании, кроме лингвистического знания, нужны историческое и культурное знание данного контекста (van Leeuwen 2008: 111). Субстратегиями моральной оценки, по ван Левену, являются *evaluation*, *abstraction* и *analogies* (там же: 110–111), переведенные Колмогоровой как *оценочные способы*, *стратегия абстрагирования* и *стратегия аналогии* (Колмогорова 2018а: 36), и эти термины мы будем использовать и в нашем исследовании.

Под *оценочными* стратегиями подразумевают те случаи, при которых используются семантически оценочные прилагательные. Действия, связанные с оправданием, оцениваются на шкале «хорошо — плохо» и становятся таким об-

разом или легитимными, или нелегитимными. (van Leeuwen 2008: 111, Колмогорова 2018а: 36.) При помощи субкатегории *абстрагирования* некоторые действия могут быть оправданы через связывание их с другими дискурсами, часто с дискурсами более высокого уровня абстракции. Например, в исследовании ван Левена показано, что вместо «ребенок пойдёт в школу в первый раз» можно сказать «ребенок станет независимее» (van Leeuwen 2008: 111). Легитимация образования, таким образом, совершена через дискурс независимости (там же). Колмогорова также отмечает в своем исследовании (2018б), что, например, разделение мусора может быть оправдано через стратегию абстрагирования, через связывание этого действия с дискурсом более абстрактного уровня – с дискурсом экологического оздоровления планеты (Колмогорова 2018б: 103). Под способами *аналогии* подразумевают сравнение, у которого, согласно ван Левену, всегда есть функция или легитимации, или делегитимации. Это имеет в виду ассоциация действий, которые являются объектами оправдания, с позитивными ценностями, а объектами делегитимации – с негативными. (van Leeuwen 2008: 112.)

3.3 Рационализация

Стратегия рационализации, в отличие от стратегии моральной оценки, осуществляется логическим путем. Действительно, мораль не играет никакой роли в рационализации, но ван Левен среди прочего отмечает, что легитимация совсем без морали невозможна. Согласно теории ван Левена, существует две субстратегии рационализации – *instrumental rationalization* и *theoretical rationalization* (van Leeuwen 2008: 113–115), эти термины переведены Колмогоровой как *инструментальная рационализация* и *теоретическая рационализация* (Колмогорова 2018а: 36), их мы также будем использовать в нашем исследовании.

Способы дискурсивного оправдания в субкатегории *инструментальной рационализации* содержатся, например, в референции к целям, пользе и влиянию оправдываемых действий. Под данной субкатегорией подразумевают *телеологические действия*, что соответствует теории причинности, оперирующей категориями причин и целей. Общенье основано на критерии правды в этой теории, действия комфортности на принципе права и отсутствия права, а драматургические действия на принципе честности, искренности. (van Leeuwen 2008: 113.) Подобной легитимации могут соответствовать высказывания: «это полезно/пригодно» или «это эффективно» (там же).

В связи с *целевыми* тактиками причинность возникает в сознательных и подсознательных мотивах, интенциях и целях деятелей (там же: 114). Формулой

этого понятия является «Я делаю *a* для того, чтобы добиться/получить *b*» (Колмогорова 2018а: 36). Союзы, которые явно указывают на цели, могут быть, например, «чтобы» и «дабы». Однако существуют и неявные случаи, предложения, в которых не использованы эти союзы, но их все равно можно понять по контексту. (van Leeuwen 2008: 114.) В стратегиях, ориентированных на пользу, приносимую действиями, причинность создается, скорее, действиями, чем целями деятелей (там же: 115). Формулой этого понятия является «Я достигаю *a* при помощи *b* / благодаря использованию *b*» (Колмогорова 2018а: 36). Очевидными выражениями, используемыми при подобной тактике, являются, например, «при помощи/с помощью», «через» и «посредством» (van Leeuwen 2008: 114). В способах выражения, ориентированных на *влияние* действий, авторы ограничиваются указанием на результат действия. Под причинностью, согласно этому понятию, подразумевают в основном не потенциальные или возможные действия, но это понятие, скорее, соответствует взгляду в прошлое – объектом рассмотрения становится результат, влияние, которые уже случились. Обычно используются выражения «так что» или «таким образом». (там же.)

Под *теоретическим* видом рационализации подразумевают те случаи, в которых действия оправдываются честно через какие-либо правдивые данные, например, через утверждение «так и есть» (там же: 116). Далее, теоретическая рационализация может принимать три формы – *определение*, *разъяснение* и *предсказание* (Колмогорова 2018б: 103). При варианте *определение* оправдание действий совершается благодаря определению их через другое, более моральное определение. Действия связываются с общеизвестной правдой, например, известным историческим событием (van Leeuwen 2008: 116). Стратегии *разъяснения* стремятся к определению деятеля, а не самого действия. Ответ на вопрос «Почему?» будет «Потому что такое действие подходит к характеру этих деятелей». Стратегии *предсказания* в качестве оправдания основаны на опыте, знании говорящего. Однако это не имеет в виду легитимацию через апелляцию к авторитету, а скорее референцию к собственному опыту или общеизвестному опыту из истории, при помощи чего оправдываются сегодняшние действия. Предсказания не являются сильными аргументами из-за того, что их в принципе легко отрицать через другой опыт. (там же.)

3.4 Мифопоэтика

Четвертая и последняя категория в теории ван Левена – *мифопоэтическая стратегия*. В рамках данной категории оправдание действий совершается через рассказы, истории, которые влияют на рудименты человеческого сознания. Такие

рассказы могут быть или *moral tales* или *cautionary tales* (van Leeuwen 2008: 117–118), что переведено Колмогоровой как *поучительные рассказы* и *апокрифические рассказы* (Колмогорова 2018а: 36), и эти термины будут использоваться и в данном исследовании.

В поучительных рассказах протагонисты награждаются за то, что они действовали в рамках социальной модели, то есть согласно тому, что оправданно в обществе. Наоборот, апокрифические рассказы действуют как предупреждения относительно того, что будет, если человек не действует в заданных рамках. Категория мифопоэтики также включает в себя символические повествования в качестве объектов легитимации. (van Leeuwen 2008: 117–118.)

При помощи данных рассказов эффективно оправдываются действия, поскольку они легко запоминаются. Ван Левен и Рут Водак отмечали в совместном исследовании про легитимацию контроля над иммиграцией, что рассказы широко используются в расистском и антисемитическом дискурсе неофициальных лиц. В таких дискурсах в рамках мифопоэтики часто выделяется одно событие или один рассказ как доказательство поведения всех иммигрантов (van Leeuwen & Wodak 1999: 110). В этом исследовании ван Левен и Водак заметили, что негативные рассказы про иммигрантов использовались и в официальных текстах Австрийского государства в оправдание контроля над иммиграцией (van Leeuwen & Wodak 1999: 110).

3.5 Риторические средства

Риторику разные исследователи определяют по-разному. Первоначально под риторикой подразумевалось исследование убеждения. Кроме того, риторика часто ошибочно связывается с чем-то негативным, как, например, с манипуляцией. (Fairclough & Fairclough 2012: 56). Далее, риторические средства часто связываются с политическим дискурсом, поскольку риторика по большей части ограничивается дискурсом убеждения, и это является также значительной частью политического дискурса (van Dijk 2015: 472). Политическим действиям и решениям в принципе требуется согласие народа, и таким образом риторическое убеждение оказывается необходимым (Posch 2017: 250). Хубер и Снайдер в своей работе (Huber & Snider 2006: 3) определяют убеждение как процесс влияния на поведение или позицию других и отмечают, что аристотелевские логос, пафос и этос являются изначально составляющими убеждения, помимо этого, стоит обратить внимание на стиль используемого языка. Кэп (Cap 2017: 2) пишет, что есть и лингвистические средства, например, противоположение, лекси-

ческий повтор и метафоры, при помощи которых политические деятели стремятся к управлению своей властью, статусом и достоверностью, и, по его мнению, политический дискурс является в своей основе стратегическим.

Мы считаем исследование политической риторики необходимым из-за вышеуказанных причин и стремимся, помимо критического дискурс-анализа, также обнаружить использованные в государственных заявлениях риторические средства убеждения в своей работе. В последующих разделах мы будем рассматривать несколько общих риторических средств убеждения и аргументации. В следующих двух разделах мы рассмотрим риторические средства убеждения на основе вышесказанного: в разделе 3.5.1 мы определим аристотелевские средства, за исключением некоторых стилистических средств языка, а в разделе 3.5.2 мы ограничимся изобразительной стороной речи, которая также является одной из составляющих стилистических средств.

3.5.1 Риторическое убеждение

В этом разделе будем рассматривать некоторые риторические средства убеждения, начиная с аристотелевских доводов, и попутно рассмотрим стилистические средства, которые заключаются в том числе в таких лингвистических тактиках, как противоположение, лексический повтор, наименование и аллюзии.

Начнем с использования так называемых рациональных доказательств убеждения по аристотелевскому канону. Среди них есть и доводы «к вещи», что подразумевает естественные и логические доказательства, то есть доводы к аристотелевскому *логосу*, доводы к чувству, к эмоции, то есть к аристотелевскому *пафосу*, а также доводы к аристотелевскому *эмосу*, к обычаю, к морали (Хазагеров 2002: 32). Естественные доказательства заключаются в доводах «к очевидному», и, по Хазагерову, самый сильный способ в политической речи – «приглашение в свидетели самих слушающих: «Вы сами видите...»» (там же: 33). Чтобы усилить достоверность каких-то заявлений, можно делать референцию к какому-то исследованию или статистике, или просто к общему знанию типа «все же знают, что...», в связи с чем можно использовать такие наречия, как «очевидно» и «ясно» (Сар 2017: 12). Хазагеров отмечает, что в таком случае, где источник остается неназванным, речь идет о манипулировании, поскольку анонимность источника, по его словам, «один из распространенных способов манипулирования» (Хазагеров 2002: 34).

Логические доказательства в риторике включают в себя и так называемые *логические уловки*, то есть рассуждения, выводы которых делаются якобы из логической формы, но являются неверными: «Если лампочка перегорела, когда я

читал Фельетон, значит она перегорела оттого, что я читал Фельетон.» (Хазагеров 2002: 39–40). Возможно также, что выводы просто не основаны ни на чем (Хазагеров 2002: 41), есть такие аргументы вида: «Так надо сделать, потому что так и надо сделать». Одним видом логических уловок является также *амбигю*, двусмысленность. Под амбигю подразумевают, например, использование слова, у которого два (или больше) значения, или использование двусмысленных синтаксических конструкций (там же: 41–42). Рейес (Reyes 2011) также отмечает, что к убеждению часто стремятся через рациональные аргументы, даже если особая рациональность не играла бы роли в данных аргументах. Один довод такого оправдания представлен в статье Рейеса (Reyes 2011: 798): проявление ответственности со стороны президента США, Обамы, в его речи от 1 декабря 2009 года, в качестве аргумента: «We did not ask for this fight». Это импликация того, что у страны есть, в частности, право совершить жестокие действия, поскольку не она являлась зачинщиком этого дела.

Доводы к пафосу, к чувствам человека, согласно Хазагерову, используются в угрозах и обещаниях. Эта тактика пробуждает чувства в людях, вызывает воспоминания – то, как это выполняется, зависит от культурной истории слушателей. Оратором важно выбрать такие *фреймы*, или рамки, которые возовут эмоциональную память у слушателей (Хазагеров 2002: 46–48). Согласно Рейесу, *альтруизмы* являются эффективными доводами среди рациональных риторических средств. В данном случае имеются в виду способы представлять объекты легитимации как выгодные всем. Эта тактика выражает также скромность оратора. (Reyes 2011: 801–802.) При этой тактике говорят обычно о желании помогать людям в нужде, «бедным» или «невиновным», что пробуждает соответствующие чувства в слушателе (там же: 801). По Рейесу, легитимацию через ссылки на эмоции можно провести также с помощью так называемого «гипотетического будущего» (там же: 794). Рейес отмечает, что, наверно, самый эффективный довод, чтобы разбудить эмоции, – это страх (там же: 790). Он связывается с коллективной памятью, поскольку часто в политическом дискурсе эмоция страха возникает через эмоциональное событие в истории. В американском политическом дискурсе чаще всего делают ссылки на теракт 11 сентября 2001 года, когда оправдывают будущие политические действия (там же: 789).

Существуют также доводы к этосу, к обычаю, к этическим доказательствам, которые разделены обычно на доводы к сопереживанию и к отвержению. Под словом «этнос» подразумевают, согласно Хазагерову, например, какую-то социальную группу или людей одной веры. Употребляя доводы к сопереживанию, говорящие или пишущие стремятся к коллективному признанию, а благодаря

доводам к отвержению – к коллективному неприятию. (Хазагеров 2002: 48.) Хазагеров далее отмечает, что в русском языке гораздо больше слов для обвинения, чем для оправдания (Хазагеров 2002: 49–50). С этими доводами хорошо совпадает риторическое противоположение, или тактика, при помощи которой создается позитивный образ самого себя, «нас», и негативный образ «других». В политической риторике широко используются тактика противоположения в дискурсе о внешней и внутренней политике. Согласно этой тактике, сравнивается, что хорошо и что плохо, правильно и неправильно – связывая хорошие черты с собой, а плохие с иными деятелями, действиями или даже – во внешней политике – с какой-то страной, противоположение с которой положительно для оправдания собственных действий (Сар 2017: 4–9). Заметим, что данное описание подходит и к понятию категории моральной оценки ван Левена, представленному в главе 3.2.

Риторические средства убеждения заключают в себе среди прочего некоторые стилистические средства, как, например, лексический повтор. Через лексический повтор можно, например, связывать особые термины друг с другом, создавая подсознательный образ связи между ними. Уилсон (Wilson 2015) отмечал в своем исследовании, что до войны в Ираке в американском политическом дискурсе постоянно повторяли в связи с Саддамом Хуссейном оружие массового уничтожения, Ал-Каиду и терроризм, в результате чего связи между ними остались в памяти людей:

Nevertheless, repeated references linking Saddam Hussein with WMD and al Qaeda became so strong in the American public's mind that even when evidence emerged that the links were unconfirmed a large proportion of the public still continued (and continue) to believe that there were such links; including, despite evidence to the contrary, that Saddam Hussein had weapons of mass destruction. (Wilson 2015: 778.)

Лексический повтор эффективно привлекает к себе внимание и усиливает выразительность речи. В речи можно повторять слова, чтобы привлекать внимание именно к каким-то вещам, или повторяться могут даже союзы. Такое риторическое средство называется *многосоюзием*, и оно придает речи убедительность и торжественность: «Сравните эффект от произнесения фраз «он сделал одно, другое, третье» и «он сделал и одно, и другое, и третье». Второе предложение звучит гораздо весомее» (Хазагеров 2002: 93). Хазагеров в той же связи отмечает, что в русском языке самым повторяющимся союзом является союз «и» (там же). Кроме того, возможно, повторяются и морфы, например, суффиксы и окончания или синтаксические единицы в одних и тех же позициях, что можно назвать син-

таксическим параллелизмом (там же: 93–94). Синтаксический параллелизм часто используется вместе с антитезисом, высказыванием, содержащим какое-то противопоставление, как в примере в работе Кузнецова (2012): *«сильный губернатор – большие права, слабый губернатор – никаких прав: публичный политик – республика известна в стране, непубличный политик – о ней никто не знает»* (Кузнецов 2012: 416). Задавание риторических вопросов также представляет собой эффективное риторическое средство утверждения и является одним из самых известных риторических средств. Риторические вопросы не требуют ответа, а работают как средство привлечения внимания к высказыванию. Хазагеров отмечает, что говорящий иногда сам отвечает на вопрос, и это еще больше укрепляет высказанное (Хазагеров 2002: 134–135).

3.5.2 Изобразительность речи

Изобразительность важна для успешной политической речи, поскольку яркие высказывания легче запоминаются. Под изобразительностью подразумевается наглядность речи, которая усиливается, например, за счет использования атрибутизации, номинализации, выражения эмоциональности и метафоры. При помощи изобразительности можно менять и стиль речи. (Хазагеров 2002: 87.)

Номинализация или *наименование* действий, или деятелей лексическим способом привлекает внимание к высказанному. Номинализация тесно связана с тактикой противоположения, поскольку через нее обычно создается либо позитивный, либо негативный образ чего-то. Рейес отмечает, что атрибутизацию часто используют при демонизации «других» (Reyes 2011: 791). Например, в американском политическом дискурсе в контексте войны в Ираке врагов или нежелательных людей наименовали *«террористами»*, *«убийцами»* или *«экстремистами»* (там же). Такие яркие слова, безусловно, привлекают к себе внимание и легко запоминаются. Особенный оттенок речи, например, сардонический или иронический, придает мнение говорящего о теме, и в том числе это привлекает внимание к высказанному:

Biblical allusions, modes of discourse such as irony and sarcasm, recounting anecdotes and rhetorical questions are all ways of arousing audience interest and retaining the attention of the hearer (Charteris-Black 2011: 12).

К метафорам относятся сегодня как к лингвистическим средствам, а также и как к психологическим средствам. Еще чаще изучается то, как метафоры на самом деле влияют на впечатление продолжительных образов в памяти людей (Posch 2017: 256). Картерис-Блэк отмечает в своем исследовании, что метафоры

играют такую большую роль в политическом дискурсе, поскольку они подсознательно активируют эмоциональные ассоциации в человеческой памяти (Charteris-Black 2011: 28). При помощи метафор можно эффективно заменить более абстрактное понимание чем-то более конкретным. Например, иммиграция становится угрожающей, если употребить метафору «волны иммигрантов», которая создает подсознательный образ того, что иммигрантов так много, что в них можно «утонуть» (van Dijk 2015: 473). Чтобы пробудить эмоцию страха в людях, можно связать какое-то понятие с чем-то плохим или опасным, например, с какой-то болезнью, как Рейес отмечает в своей работе об американском политическом дискурсе: Президент Обама в своей речи от 1 декабря 2009 года связывает терроризм с раком с помощью метафоры (Reyes 2011: 792). Использование метафоры таким образом еще подчеркивает представление о чем-то, которое у нас сложилось.

В данной главе 3 мы рассмотрели вначале главнейшую для нашего исследования теорию дискурсивной легитимации Тео ван Левена. Согласно данной теории, дискурсивная легитимация или делегитимация каких-то действий совершается через использование одной из четырех категорий теории, как то: апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация или мифопоэтика. Каждая из них включает в себя некоторые субкатегории, которые мы дальше представили в разделах 3.1, 3.2, 3.3 и 3.4. В данной главе мы также рассмотрели риторические средства убеждения и изобразительность речи. Язык, представленный в нашем исследовательском материале, будет проанализирован в следующей главе 4 не только с точки зрения дискурсивной легитимации, но и с точки зрения риторики.

4. Методы и анализ материала

В настоящей главе мы проанализируем качественными методами официальные заявления от лица государства Российской Федерации в соответствии с теорией ван Левена. Мы будем рассматривать, как присоединение Крыма к Российской Федерации оправдывается в данных устных заявлениях и рассмотрим высказанные положения также с риторической точки зрения. При помощи риторических средств убеждения мы будем глубже анализировать язык, использованный в заявлениях. Мы покажем, почему именно такие конструкции использованы в российском политическом дискурсе и как они влияют, и вообще, влияют ли они, на восприятие содержания заявлений, то есть подкрепляют ли данные риторические средства оправдание присоединения Крыма. Мы исходим из того, что политический дискурс Российской Федерации предстает как запланированный с целью оправдать присоединение Крыма в глазах народа. Это предположение

будет еще больше аргументировано, если мы подтвердим, что в заявлениях ясно преследуют одну линию и используют одни и те же средства оправдания.

В нашем исследовании поставлены следующие вопросы:

1. Можно ли применить теорию дискурсивной легитимации ван Левена, чтобы показать, как в данном материале, отражающем присоединение Крыма к Российской Федерации, оправдывается это событие?
2. Какие средства дискурсивной легитимации являются наиболее употребительными в данном материале?
3. Преследуют ли аргументы оправдания одну линию во всех заявлениях?
4. Какие риторические средства убеждения использованы в отношении оправдания?

Гипотезами нашего исследования являются нижеследующие положения:

1. Присоединение Крыма к Российской Федерации оправдано, согласно теории дискурсивной легитимации ван Левена, и по крайней мере большинство средств оправдания, перечисляемых в данной теории, обнаруживается в материале.
2. В разных государственных заявлениях оправдывается присоединение при помощи одинаковых аргументов – приемы оправдания преследуют одну линию.
3. Риторические средства убеждения, использованные в рассматриваемом материале, сознательно выбраны для того, чтобы подкрепить аргументы и таким образом усилить оправдание присоединения Крыма.

В нижеследующих разделах мы опираемся на представленный в разделе 4.1 материал, после чего переходим к анализу материала, выбранного для нашего исследования. Анализ оправдания в этой главе разделен дальше на следующие подразделы в соответствии с главными категориями представленной теории: апелляция к авторитету в разделе 4.2, моральная оценка в разделе 4.3, рационализация в разделе 4.4 и мифопоэтика в разделе 4.5. В каждом подразделе представлены примеры из официальных заявлений Российской Федерации, которые иллюстрируют конкретное средство оправдания. Мы анализируем одновременно эти примеры также с точки зрения применения риторических средств аргументации, которые были представлены выше в разделе 3.5.

4.1 Материал

Материалом в нашей работе являются официальные заявления Кремля, Министерства иностранных дел России и Государственной Думы про присоединение

Крыма к Российской Федерации. В своем исследовании мы ограничиваемся устными официальными заявлениями. Заявления найдены при помощи расширенного поиска в базе данных Интегрум по поисковому запросу «Крым и присоединение» в период с 18 марта 2014 года до конца апреля 2014 года и с уточняющим выбором справки «Информация официальных учреждений». Источников с этим поиском обнаружилось 384, документов 436. В результате отбора мы ограничились документами, представленными источниками «Государственная Дума» и «Президент России (kremlin.ru)».

Документов Государственной Думы оказалось в общей сложности десять, из них мы выбрали для использования в качестве анализируемого материала лишь транскрибированные выступления Председателя Государственной Думы того периода времени Сергея Нарышкина на пленарном заседании Государственной Думы от 21 марта 2014 года и на заседании Совета законодателей 25 апреля 2014 года. Данные выступления выбраны из-за того, что они совпадают с темой присоединения Крыма к Российской Федерации. Документов с сайта Президента России было найдено семь, из них мы выбрали для использования в нашем исследовании записи трансляции Обращения Президента Российской Федерации Владимира Путина от 18 марта 2014 года и трансляции «Церемонии подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России» от 21 марта 2014 года, когда выступали Сергей Нарышкин и Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко. Все включенные в исследование документы представлены ниже в таблице (1).

В базе данных Интегрум не сохранены документы Министерства иностранных дел, а поскольку мы считаем, что заявления данного министерства являются важными в рамках процесса присоединения Крыма к Российской Федерации, мы искали их прямо на сайте пресс-службы Министерства, где сохраняются выступления Министра иностранных дел Сергея Лаврова. Мы искали выступления на сайте в период с 18 марта 2014 года до конца апреля 2014 года. При таком поиске было обнаружено 49 выступлений, из которых мы ограничились двумя выступлениями министра, посвященными присоединению Крыма к России – записями трансляции выступления Лаврова в ходе пленарного заседания Государственной Думы от 20 марта 2014 года и трансляции выступления Лаврова в ходе 349-го внеочередного заседания Совета Федерации от 21 марта 2014 года. Означенные выступления содержатся также в таблице (1).

Дата	Название заявления	Говорящий/-ие
18.03.2014	Обращение Президента Российской Федерации	Владимир Владимирович Путин
20.03.2014	Выступление и ответы на вопросы депутатов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации	Сергей Викторович Лавров
21.03.2014	Выступление и ответы на вопросы сенаторов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе 349-го внеочередного заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	Сергей Викторович Лавров
21.03.2014	Церемония подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России	Валентина Ивановна Матвиенко / Сергей Евгеньевич Нарышкин
21.03.2014	Выступление Председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина на пленарном заседании Государственной Думы	Сергей Евгеньевич Нарышкин
25.04.2014	Выступление Сергея Нарышкина на заседании Совета законодателей (Таврический дворец, 25 апреля 2014 г.)	Сергей Евгеньевич Нарышкин

Таблица (1): Перечень отобранных для исследования документов.

Вначале мы рассмотрим материал заявлений Кремля, точнее, записи трансляций речи президента Владимира Путина от 18 марта 2014 года в Государственной Думе и выступления Сергея Нарышкина от 21 марта 2014 года. Стоит отметить, что все эти заявления не направлены исключительно на оправдание присоединения Крыма к Российской Федерации. Фокусом выступления Сергея Нарышкина от 25 апреля 2014 года является не присоединение – выступление ограничивается только тем, как Крымский полуостров будет интегрирован в состав Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, все шесть заявлений, перечисленных в таблице (1), необходимо изучать для того, чтобы представить разнообразие материала исследования. В основном период времени от референдума в

Крым до конца апреля того же года задает границы исследуемого материала. Уточним, что при анализе выступления Сергея Лаврова мы ограничимся в первую очередь собственно его речью, а не ответами на вопросы, заданные Лаврову после выступления.

4.2 Апелляция к авторитету

Под апелляцией к авторитету подразумевают такие средства оправдания, которые относятся к референции к какому-то авторитету – эксперту, традиции, закону, нормам, как уже было объяснено ранее в разделе 3.1. В официальных государственных заявлениях, упомянутых в предыдущем разделе, повторяются некоторые моменты, совпадающие с категорией апелляции к авторитету, согласно теории ван Левена. С точки зрения данной категории, присоединение Крыма в данном материале оправдывается на широком материале через референцию к международному праву или какому-то другому закону или договору – это совпадает с субкатегорией *безличного* авторитета.

Другими способами оправдания через апелляцию к авторитету в изучаемом материале являются отсылки к людям, к воле самих крымчан, а также к каким-то экспертам, большинство из которых неназваны. Согласно теории ван Левена, данные способы принадлежат к категориям *авторитета эксперта* и *авторитета большинства*. С точки зрения категории апелляции к авторитету, четвертым способом в заявлениях является референция к истории в смысле авторитета традиции.

Кроме вышеупомянутых, согласно теории ван Левена, существуют еще две субкатегории – *личный авторитет* и *авторитет «модели»*. Как было показано уже в разделе 3.1, личный авторитет может являться очевидным в политическом дискурсе, так как говорящий – политический деятель. В материалах, использованных в нашем исследовании, личный авторитет также уже имеется, поскольку говорящие – государственные деятели. Авторитет «модели», то есть оправдание через референцию к известным людям в обществе, не использован в данном материале. Причиной этого является официальный оттенок данных заявлений – в них чаще всего осуществляется опора на авторитет эксперта вместо «модели».

Анализ дальше разделен по вышеупомянутым субкатегориям категории апелляции к авторитету ван Левена. В каждом разделе представлены примеры из разных заявлений, которые будут дальше проанализированы с риторической точки зрения. В примерах подчеркнуты те части, которые иллюстрируют рассматриваемые положения.

4.2.1 Безличный авторитет

В настоящем разделе мы рассмотрим способы оправдания через референцию к безличному авторитету, найденные нами в изучаемом материале, а точнее, мы проанализируем их язык с точки зрения политической риторики. Заметим, что в изучаемых государственных заявлениях чаще всего в качестве безличного авторитета используется международное право. В большинстве случаев референции к международному праву дается отсылка к какому-то конкретному документу или праву, но прямые цитаты в материале встречаются реже. Начнем с примеров «неконкретной» референции, а в конце раздела рассмотрим более конкретные примеры референции к международному праву, встретившиеся в изучаемом материале.

- (1) 16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами.
(Путин 2014.)

Речь Владимира Путина в Кремле от 18 марта начинается с предложения (1), сразу создавая основу для главного аргумента речи. Путин оправдывает присоединение Крыма к Российской Федерации, как свидетельствует данный пример, через референцию к референдуму, происходившему в Крыму 16 марта 2014 года. Следующий аргумент в примере состоит в том, что референдум является легитимным, поскольку, по словам Путина, *«он прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами»*. Путин оправдывает референдум через референцию к демократии и международному праву, подчёркивая это атрибуцией *«в полном соответствии»*. Это высказывание четко представляет факт и не содержит лишних аргументов.

Дальше в своей речи Путин оправдывает действия Российской Федерации в Крыму через референцию к договору между Украиной и Россией, как показано ниже в примере (2).

- (2) Однако, что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права. Во-первых, хорошо, что они хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда. И, во-вторых, самое главное: что же мы якобы нарушаем? Да, Президент Российской Федерации получил от верхней палаты парламента право использовать Вооружённые Силы на Украине. Но этим правом, строго говоря, пока даже не воспользовался. Вооружённые Силы России не входили в Крым, они там уже и так находились

в соответствии с международным договором. Да, мы усилили нашу группировку, но при этом - хочу это подчеркнуть, чтобы все знали и слышали, - мы даже не превысили предельной штатной численности наших Вооружённых Сил в Крыму, а она предусмотрена в объёме 25 тысяч человек, в этом просто не было необходимости. (Путин 2014.)

В примере (2), Путин отвечает на заявления о том, что Россия нарушает международное право в связи с ее действиями в Крыму. В первом аргументе Путин использует риторическую тактику противоположения, которая представлена в разделе 3.5.1. В предложении *«Во-первых, хорошо, что они хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда»* Путин с шуточным, ироническим оттенком заявляет, что и неназванные коллеги из Западной Европы и Северной Америки и нарушали международное право. Использование юмора – очень эффективная риторическая тактика, поскольку это привлекает особое внимание к высказанному, и, среди прочего, смысл высказывания легче отпечатывается в подсознании слушателя. Интересно с риторической точки зрения также именование *западные коллеги* и то, что конкретно их не называют. Принимая во внимание взаимные обвинения и противостояние между Россией и США на протяжении последних лет, можем предположить, что под так называемыми западными *коллегами* подразумевается глава США. Называя главу США *коллегами*, Путин выражает то, что считает американцев коллегами, а это отчасти укрепляет риторическое противоположение, создавая более позитивный образ России в противоположность США.

Дальше Путин оправдывает присутствие в Крыму Вооруженных Сил России через референцию к договору России с правительством Украины. Это утверждение кажется фактом, даже если никакие источники подобного утверждения в речи не представлены. Путин в примере (2) использует свой личный авторитет, говорит о себя в третьем лице, называя себя Президентом Российской Федерации, и никакие лишние аргументы или источники убеждения не нужны. Путин также опять создает позитивный образ правительства Российской Федерации, утверждая, что легитимным правом использовать Вооруженные Силы он *«пока даже не воспользовался»*. Согласно Путину, Россия удержалась от применения силы, даже если на то и была предоставлена легитимная возможность. Это дальше усиливает позитивный образ России. В примере (2) с риторической точки зрения интересно и то, что в абзаце дважды задан риторический вопрос. Задавание вопросов – эффективное риторическое средство, поскольку это привлекает внимание к высказанному. Риторические вопросы становятся еще эффективнее, если говорящий сам отвечает на них, что в данном случае Путин и делает.

В других официальных заявлениях также оправдывается присоединение Крыма к России через апелляцию к безличному авторитету. Пример (3) взят из речи Сергея Нарышкина, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации того же времени, на Церемонии подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России от 21 марта.

- (3) Для нас совершенно очевидно, что и Россия, и крымчане действовали в строгом соответствии с нормами международного права, а те, кто ставит это под сомнение, пусть освежат память и почитают и Устав Организации Объединённых Наций, и другие фундаментальные международные правовые документы. (Церемония 2014.)

Слова Нарышкина в примере (3) адресованы в первую очередь Президенту Путину, и Нарышкин говорит за депутатов Государственной Думы, когда употребляет местоимение в контексте «для нас очевидно». Помимо того, что слова адресованы президенту, можно считать, что Нарышкин говорит и от лица слушателя, или по крайней мере через эти слова адресует свое высказывание любым слушателям, которым легче адаптироваться к сказанным словам. Нарышкин в данном случае также призывает сомневающихся почитать среди прочего Устав ООН. Риторический стиль во фразе «*пусть освежат память и почитают*» несет иронический оттенок, через который он как бы смеётся над сомневающимися. Это, опять же, риторически особенно эффективное средство для того, чтобы привлечь внимание и укрепить таким образом достоверность высказанного.

Внизу еще один «неконкретный» пример оправдания через референцию к международному праву, выбранный из речи Сергея Нарышкина в Государственной Думе от 21 марта.

- (4) Но что действительно вызывает удивление, так это обильные апелляции к международному праву со стороны политиков, уже много лет эти нормы игнорировавших. До сегодняшнего дня им хватало ссылок на свою так называемую «исключительность» и ложно понятые «национальные интересы». (Нарышкин 2014а.)

В примере (4) опять заметим риторическую тактику противопоставления. Нарышкин тут поднимает вопрос о том, как (предположительно) США нарушали международное право или «игнорировали» его, что ярко подчеркнуто в речи Нарышкина. Очевидно, что речь и тут идет о США, даже если они называются в данном контексте политиками, игнорировавшими нормы международного права. Использование глагола «игнорировать», производного от нерусского корня, а

также выбор стилистических средств, поскольку речь идет о США, придают этому глаголу в данном контексте немного уничижительный оттенок. Иронический и уничижительный оттенок также замечен, например, в таких словосочетаниях, как «так называемую» и «ложно понятые». Удивление перед поступками и обвинение США в нарушении международного права в данном случае являются продолжением высказываний Путина в предыдущих примерах.

Далее, перейдем к более конкретным примерам, в которых дается либо прямая отсылка к какому-то правовому документу, либо цитируются какие-то правила. В примере (5) Министр иностранных дел, Сергей Лавров, в своем выступлении от 21 марта оправдывает присоединение Крыма в том числе через референции к международному праву.

- (5) Через право на свободное волеизъявление, право на самоопределение, крымчане сделали свой выбор. Это в полной мере соответствует реализации права народов на самоопределение, которое закреплено в Уставе ООН, в Декларации «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» и во многих других документах. (Лавров 2014б.)

В примере (5) Лавров четко оправдывает присоединение Крыма к Российской Федерации через референцию к праву на самоопределение и делает ссылку на декларацию ООН и *многие другие документы* о принципах сотрудничества между государствами. Лавров называет правовой документ, на который дает ссылку, и это подкрепляет оправдание.

Лишь в речи Владимира Путина от 18 марта мы нашли некоторые прямые цитаты из официальных документов, касающиеся международного права. Ниже, в примере (6), Путин говорит про события, происходившие в Косове в 2008 году, когда Косово провозгласило независимость от Сербии, и какое было тогда принято решение Международным Судом ООН. Путин сравнивает это событие с тем, что происходило в Крыму, и подчеркивает аналогичность ситуации.

- (6) Кроме того, крымские власти опирались и на известный косовский прецедент, прецедент, который наши западные партнёры создали сами, что называется, своими собственными руками, в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, признали отделение Косово от Сербии легитимным, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется. Международный Суд ООН на основе пункта 2 статьи 1 Устава Организации Объединённых Наций согласился с этим и в своём решении от 22 июля 2010 года отметил следующее. Привожу дословную цитату:

«Никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности», - и далее: «Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости». Всё, как говорится, предельно ясно. (Путин 2014.)

Кроме прямой цитаты из решения ООН, Путин опять использует риторическую стратегию противопоставления в начале примера (6), непрямо выражая, что предположительно одни и те же правила не касаются и США, и России в равной степени. США опять названо западным партнёром, и Путин подчеркивает участие США в ситуации в Косове еще и выражением *«своими собственными руками»*. Через этот сравнение успешно создается представление о том, что осуждение Западом присоединения Крыма к Российской Федерации происходит из-за противостояния США и России, и Россия тут оказывается проигравшей, пострадавшей стороной. Это оказывается эффективным риторическим способом убеждения благодаря тому, что такое высказывание вызывает, например, чувство несправедливости в русском слушателе.

4.2.2 Авторитет эксперта

В этом разделе будут рассмотрены способы оправдания действий через референцию к экспертам или другим общеизвестным авторитетам. В изучаемом материале эти эксперты и общественные деятели остаются почти полностью неназванными, лишь в одном заявлении указан качественный экспертный источник. Как уже упомянуто в разделе 3.5.1, анонимность источника – один из самых распространенных способов манипулирования в рамках риторического убеждения.

Путин в своем выступлении от 18 марта использовал неназванный источник в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации несколько раз, что нашло свое выражение ниже в примере (7).

- (7) Все эти годы и граждане, и многие общественные деятели неоднократно поднимали эту тему, говорили, что Крым — это исконно русская земля, а Севастополь - русский город. (Путин 2014.)

В примере (7) Путин использует апелляцию к чувствам слушателя, утверждая, что на протяжении многих лет *«и граждане, и многие общественные деятели»* выступали за присоединение Крыма к России. Кроме драматичности начала (*«все эти годы»*), в данном примере использован лексический повтор союза «и», который прибавляет убедительности высказыванию.

В изучаемом материале встретились также неназванные источники более конкретного уровня, как внизу в примере (8).

- (8) При этом мы с благодарностью относимся ко всем, кто с пониманием подошёл к нашим шагам в Крыму, признательны народу Китая, руководство которого рассматривало и рассматривает ситуацию вокруг Украины и Крыма во всей её исторической и политической полноте, высоко ценим сдержанность и объективность Индии. (Путин 2014.)

В примере (8) Путин утверждает, что руководство Китая и руководство Индии поддерживают присоединение Крыма к России. Начало первого предложения Путина в данном примере «*При этом мы с благодарностью относимся ко всем...*» создает предположение о том, что поддерживающих еще больше, чем только государства Китая и Индии, они только остаются неназванными. Метафора «*кто с пониманием подошел к нашим шагам в Крыму*» вызывает представление даже о героической высадке в Крыму и таким образом дальше укрепляет образ России как героя, спасающего русского населения Крыма.

Сергей Нарышкин в своем выступлении от 21 марта также оправдал присоединение Крыма к России несколько раз через референцию к неназванным экспертам. Внизу в примере (9) интересно то, что референция сделана в том числе и к неназванным западным экспертам.

- (9) Уже не только наши, но и западные эксперты говорят: здесь была «пройдена черта». Я убеждён: столь грубое вмешательство Запада во внутренние дела страны, которая для нас много больше, чем просто сосед, критически подрывает стратегическое равновесие в мире. (Нарышкин 2014а.)

По словам Нарышкина, как видно из примера (9), даже эксперты западных стран считают, что «*была пройдена черта*». Это метафорическое выражение эффективно укрепляет веру в то, что эксперты не только в России, но и в западных странах считают, что западным странам не стоило бы вмешиваться во внутренние дела Украины, поскольку это является изначальной причиной конфликта. Тактика риторического противоположения опять использована в данном примере: «*Запад*», то есть, США, вмешивается в дела других государств, вызывая конфликты, а Россия потом разрешает их. В конце абзаца Нарышкин также стремится к возникновению у слушателя соответствующего чувства, применяя фразу «*страны, которая для нас много больше, чем просто сосед*», подчеркивая тем самым близкие отношения с Украиной и усиливая представление о том, что Россия не желает ничего плохого Украине.

В изучаемом материале обнаружился лишь один случай референции к названному эксперту: ниже мы приводим пример (10), взятый из выступления Нарышкина от 21 марта.

- (10) В своей статье «Цивилизация права», напечатанной несколько дней назад в «Российской газете», Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин справедливо отметил: «если право погибнет, то мир окажется у края бездны». К сожалению, такой сценарий перестаёт казаться фантастическим. И одной из причин этого являются двойные стандарты, уже не одно десятилетие подтачивающие сам фундамент международного права. (Нарышкин 2014а.)

В примере (10) Нарышкин цитирует статью Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, в которой написано: *«если право погибнет, то мир окажется у края бездны»*. Нарышкин связывает эту фразу с присоединением Крыма через дискурс несправедливости и двойные стандарты, которые, по его словам, *«уже не одно десятилетие подтачивающие сам фундамент международного права»*. Стоит отметить, что цитирование настоящего эксперта укрепляет убедительность утверждения, даже если эксперт не говорит о том же самом событии.

4.2.3 Авторитет большинства

Согласно теории ван Левена, под субкатегорией авторитета большинства подразумевают оправдание аргументами, под которыми понимаются референция к мнениям самих людей и к большинству народа. Эти мнения могут быть представлены через какие-то источники, например через статистику, или просто через понятие «тебе надо было делать так, потому что большинство так и делает». В контексте присоединения Крыма к Российской Федерации это соответствует оправданию присоединения через утверждение о том, что «присоединение Крыма правильно, поскольку большинство крымчан/русских выступают за него». Оправданий такого типа нашлось множество в изучаемом материале, чаще всего это были оправдания через итоги референдума, проведенного в Крыму.

Путин использовал этот способ оправдания в своей речи в связи и с крымским народом, и с российским. В нижеследующих примерах оправдание через авторитет большинства происходит благодаря привлечению статистики. В примере (11) представлена фраза, в которой Путин говорит про крымский референдум.

- (11) В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. Цифры предельно убедительные. (Путин 2014.)

Пример (11) появляется прямо в первом абзаце речи Президента Путина от 18 марта. Авторитет большинства тут выражен через статистику итогов референдума. Использование в этой связи статистики, безусловно, укрепляет высказанное. Путин дальше подчеркивает свое утверждение лексическим повтором слова «более» и риторической атрибуцией, оценивая цифры референдума как *убедительные*.

На церемонии подписания законов от 21 марта 2014 года Сергей Нарышкин также оправдывает присоединение волей крымчан, как показано ниже в примере (12).

- (12) То историческое событие, которое мы все сегодня переживаем, случилось благодаря единодушному решению народа Крыма, благодаря твёрдой воле нашего Президента и всенародной поддержке россиян. (Нарышкин 2014а.)

В примере (12) Нарышкин благодарит в том числе народ Крыма, подчеркивая, что присоединение отражает *единодушное решение* крымского народа. Называя присоединение Крыма *историческом событием*, Нарышкин также риторически усиливает создаваемый образ героического события.

Пример (13) иллюстрирует, как Сергей Лавров также делает референцию к воле народа Крыма.

- (13) Решение о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию основывается на свободном волеизъявлении многонационального народа Крыма в ходе референдума 16 марта с. г. (Лавров 2014а.)

В примере (13) видно, как Лавров четко утверждает, что решение о принятии Крыма в состав Российской Федерации основывается на волеизъявлении народа Крыма. Лавров дальше подкрепляет утверждение атрибуцией, определяя волеизъявление народа как *свободное*.

В примере (14), извлеченном из речи Путина от 18 марта, присоединение оправдано через авторитет большинства русского народа с помощью статистики.

- (14) Вы знаете, последние социологические опросы, которые были проведены в России буквально на днях: порядка 95 процентов граждан считают, что Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей,

проживающих в Крыму. 95 процентов. А более 83 процентов полагают, что Россия должна это делать, даже если такая позиция осложнит наши отношения с некоторыми государствами. 86 процентов граждан нашей страны убеждены, что Крым до сих пор является российской территорией, российской землёй. А почти - вот очень важная цифра, она абсолютно коррелируется с тем, что было в Крыму на референдуме, - почти 92 процента выступают за присоединение Крыма к России. (Путин 2014.)

В вышеупомянутом примере Путин рассказывает о результатах опросов, проведенных в России «*буквально на днях*». Короткий срок тут назван для того, чтобы укрепить представление о сильной поддержке со стороны граждан Российской Федерации. С риторической точки зрения, в примере использована тактика *градации*. Путин исходит из результатов опроса, касающихся защиты, в том числе интересов русских в Крыму, и затем переходит к результатам опроса про то, должна ли Россия защищать свои интересы, даже если это осложнит отношения с другими государствами, потом обращается к результатам опроса насчет того, сколько граждан считают, что Крым и ранее являлся российской территорией, под наконец Путин обнародует результаты опроса прямо про вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Это так называемая риторическая тактика *восходящей градации*, или климакса (от греч. «лестница»), при помощи которой внимание адресата привлекают к высказанному содержанию и создают его постепенно усиливающийся образ.

Авторитет большинства в изучаемом материале также использован без указания на прямой источник, как и в выступлении Сергея Нарышкина от 21 марта в примере (15).

(15) Для нас, депутатов, как и для подавляющего большинства граждан России, ситуация предельно ясна. (Нарышкин 2014а.)

В примере (15) источник мнения большинства не представлен, но благодаря прилагательному «*подавляющего*» мы можем толковать эту ссылку таким образом, что Нарышкин намекает на проведенные в России опросы. В данном примере также использован один из видов личного авторитета, когда Нарышкин делает референцию к самому себе, как к депутату, а заодно и к другим депутатам, добавляя их в группу большинства.

(16) Мы знаем результаты крымского референдума. И видели мощную волну поддержки этого решения во всех субъектах Российской Федерации. Воля народа - это всегда поручение для законодателей, и качество нашей работы -

должно соответствовать историческому значению этого поистине великого события. (Нарышкин 2014б.)

В примере (16) видно, что Нарышкин в своем выступлении от 25 апреля еще оправдывает присоединение через волю российского народа, используя атрибут *мощный* при ее описании. Данная атрибуция сознательно использована в данном предложении для укрепления сказанного, как и определение присоединения в качестве *великого события* в самом конце предложения.

4.2.4 Авторитет традиции

Четвертая категория в теории ван Левена – авторитет традиции, который заключается в референции к привычкам, обычаям и традиции. В контексте присоединения Крыма эти способы проявляются, например, в понимании того, что совместная с Крымом история оправдывает сегодняшнее присоединение. Пример (17) такого вида оправдания взят из начала речи Путина от 18 марта.

- (17) Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России. (Путин 2014.)

В примере (17) Путин четко утверждает, без каких-то лишних аргументов, что все те, кому история Крыма кажется знакомой, понимают, почему происходит его вхождение в состав Российской Федерации, добавляя предположение о том, что те, кто не выступает за присоединение, просто не знакомы с историей. Это, особенно для русского слушателя, может успешно оказаться причиной того, почему в Западной Европе противостоят присоединению – по этой логике, из-за недостатка знания. Дальнейшие слова Путина «*знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России*» – это прямая апелляция к чувствам слушателя, достигаемая через риторическую конструкцию *синтаксического параллелизма*. Также повторение глаголов, начинающееся с одинаковых морфем, усиливает высказанное содержание.

Дальше оправдание через авторитет традиции встречается и в других заявлениях, например, в речи Сергея Нарышкина от 25 апреля в Таврическом дворце.

- (18) Такая работа проходит на фоне сложной международной обстановки, но, как известно, "дома и стены помогают". Уверен, что сама встреча именно в Таврическом дворце, история которого связана с присоединением Крыма к России, - поможет нам в возвращении Крыма в российское правовое пространство. Тем более что в этих стенах активно работали и предшественники наших крымских

коллег - 6 депутатов в дореволюционной Думе были от Таврической губернии, а четверо жили в Крыму. На протяжении 225 лет само имя этого дворца, как и целый ряд других петербургских названий - ясно напоминало нам, чем является Крым для России. (Нарышкин 2014б.)

В примере (18) Нарышкин напоминает слушателям о совместной истории Крыма с Россией и начинает с пословицы *«дома и стены помогают»*, означающая, что в знакомом месте действовать и работать легче и спокойнее. Нарышкин утверждает, что уже в дореволюционной Думе работали и крымские депутаты, и таким образом напоминает слушателям о совместной истории Крыма и России и даже создает отчасти представление о том, что в данной ситуации виноват глава Советского Союза. Нарышкин подчеркивает в данном случае то, что встреча происходит *«именно в Таврическом дворце»*. Название дворца, *Таврический*, дано по древнему названию Крыма – *Таврида*, сохранявшемуся и после присоединения этого полуострова к Российской империи в 1783 г., что вызывает чувства ностальгии в русском слушателе. История Таврического дворца связана с присоединением Крымского полуострова к Российской империи во времена Екатерины II – Нарышкин сравнивает это историческое событие с присоединением Крыма в 2014 году, что создает представление о России-спасительнице и тем самым оправдывает присоединение 2014 года. Конец абзаца: *«На протяжении 225 лет само имя этого дворца, как и целый ряд других петербургских названий - ясно напоминало нам, чем является Крым для России»* – является прямой апелляцией к чувствам слушателя. То, что старые названия сохранялись или что о них вспоминали даже на протяжении Советского времени, вызывает определенные чувства в русском слушателе.

4.3 Моральная оценка

Оправдание каких-то действий через стратегию моральной оценки обычно основано на понятии моральных ценностей, как было объяснено в разделе 3.2. Действия оправданы в соответствии с аксиологической шкалой «хорошо – плохо», и чаще всего решение выполняется через противопоставление между «мы» и «они»: позитивные черты связываются с «нами», а негативные – с «другими», то есть с «ними».

В заявлениях, отобранных для настоящего исследования, присоединение Крыма к Российской Федерации оправдано по большей части через моральную оценку прав этнических меньшинств, в частности, на самоопределение и на родной язык. В заявлениях исходят из того, что эти законные права жителей Крымского полуострова не были реализованы в составе украинского государства, и

поэтому вмешательство Российской Федерации оправдано. В заявлениях также критикуется вмешательство «Запада», которое, согласно заявлениям, предстает как самая главная причина политического кризиса на Украине. Риторическая стратегия противоположения широко применяется в изучаемом материале: иногда на противоположной стороне – нынешнее Украинское государство, иногда – Запад или прямо названы США.

Согласно теории ван Левена, категория стратегии моральной оценки включает в себя три субкатегории: *оценочные способы* и стратегии *абстрагирования* и *аналогии*. В тех официальных заявлениях, которые анализируются нами в настоящем исследовании, оправдание присоединения Крыма к Российской Федерации в рамках стратегии моральной оценки происходит чаще всего через субкатегории *абстрагирования* и *аналогии*. Оценочных способов, прямо касающихся присоединения, не было много в данном материале, а присоединение Крыма в большинстве случаев оправдывалось через *абстрагирование* присоединения благодаря дискурсу помощи и спасения меньшинств или через стратегию *аналогии* – через соположение присоединения и других позитивных событий или, наоборот, через демонстрацию отсутствия присоединения и его связь с негативными событиями.

Этот раздел в дальнейшем дробится на три субкатегории. В последующих разделах рассматриваются и, соответственно, анализируются с риторической точки зрения примеры из заявлений, совпадающие с субкатегориями категории моральной оценки. Совпадающие с каждой субкатегорией моменты подчеркнуты в примерах.

4.3.1 Оценочные способы

Оправдание в рамках субкатегории оценочных способов категории моральной оценки заключается в тактике использования оценочных прилагательных в связи с объектами легитимации или делегитимации, чтобы поместить объект на шкалу «хорошо-плохо». Риторическая тактика *наименование* совпадает с этой стратегией частично, завися от того, насколько прямо говорящий хочет выражать противоположение. В этом разделе представлены примеры из заявлений, которые прямо оценивают действия Российской Федерации на Украине, а также противодействие присоединению или другие действия украинского государства. Интересно, что в заявлениях негативная оценка дается намного чаще, чем позитивная.

Внизу представлены примеры таких способов, начиная с примеров, в которых дается позитивная оценка чего-либо. В данных заявлениях оценками пози-

тивной части шкалы являются, например, отношения с украинским государством, присоединение Крыма к Российской Федерации и референдум в Крыму. Начнем с речи Президента Владимира Путина от 18 марта. В примере (19) ниже оцениваются отношения России с Украиной.

- (19) А отношения с Украиной, с братским украинским народом были и остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми, без всякого преувеличения. (Путин 2014.)

Пример (19) интересен с риторической точки зрения, поскольку мы можем заметить три риторических средства, при помощи которых Путин подчеркивает, что желает хороших отношений с украинским государством. Во-первых, Путин вначале произносит фразу «*отношения с Украиной, с братским украинским народом*», уточняя, что считает украинский народ «*братским*», после чего подчеркивает это через формы времени глаголов, что отношения «*были и остаются и всегда будут*» и окончательно описывает отношения с Украиной в качестве *важнейших, ключевых*. С риторической точки зрения такие лексические повторы слов как укрепляют сказанное, так и прибавляют речи изобразительности.

Внизу в примере (20) дается оценка референдуму, проведенному в Крыму.

- (20) Референдум был проведён открыто и честно, и люди в Крыму ясно, убедительно выразили свою волю: они хотят быть с Россией. (Путин 2014.)

В примере (20) Путин четко оправдывает референдум в Крыму, вводя в речь оценочные прилагательные *открытый* и *честный*, а его результат – используя оценочные наречия *ясно* и *убедительно*. Очевидно, что такая атрибуция добавляет изобразительности сказанному и поэтому эффективнее остается в памяти слушающих.

В примере (21), взятом из речи Сергея Нарышкина, говорящий прямо оценивает присоединение Крыма к Российской Федерации как оправданное.

- (21) Но возвращение Крыма ещё раз подтверждает, что самое главное - было сделано правильно. (Нарышкин 2014б.)

В примере (21) Нарышкин утверждает, что самое главное в связи с возвращением Крыма то, что это было сделано правильным путем, четко оправдывая присоединение через оценочное прилагательное *правильный*. Кроме того, Нарышкин называет присоединение Крыма *возвращением*, давая отсылку к совместной истории Крыма и Российской Федерации. Слово *возвращение* является более

эмоционально окрашенным в этой связи, чем обычно используемое *присоединение*, что, в свою очередь, подкрепляет оправдание.

Заметим, что из анализа ясно, что негативные оценки обнаруживаются в заявлениях намного чаще, чем оценки, располагающиеся на позитивной части шкалы. Большинство этих оценок связаны с критикой политической стабильности и действий на Украине, в том числе и действий *западных партнеров*, и санкций США, направленных против России. Впервые об этом свидетельствует пример (22) из речи Владимира Путина от 18 марта, в котором Путин критикует законопроект языковой политики украинского государства.

- (22) Первым делом новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств. Правда, зарубежные спонсоры этих сегодняшних «политиков», кураторы сегодняшних «властей» сразу одёрнули инициаторов этой затеи. (Путин 2014.)

В примере (22) Путин оценивает законопроект украинского государства как *скандальный* и утверждает, что этот проект ущемлял бы права русскоязычного и других языковых меньшинств на Украине. Путин также ставит под сомнение компетентность и легитимность сегодняшних политических деятелей Украины, называя их *политиками* и *властями* в кавычках, что придает его речи иронический оттенок. Путин также подчеркивает угрозу репутации, связанную с выдвижением данного законопроекта, говоря, что это было «*первым делом*» новых властей.

Затем в примере (23) мы видим оценку действий так называемых *западных партнеров*.

- (23) И в случае с Украиной наши западные партнёры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально. (Путин 2014.)

В примере (23) Путин четко оценивает действия *западных партнеров*. Тут опять же использована риторическая тактика повтора, когда Путин по порядку перечисляет, что США «*перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально*». Использование такого яркого выражения, как «*перешли черту*», является эффективной риторической тактикой в добавление к повтору. Риторические тактики в этом примере успешно усиливают образ США как противника.

Сергей Нарышкин также в своем выступлении от 21 марта прямо осудил и Евромайдан, и нынешнее управление украинским государством.

- (24) Любому здравомыслящему человеку было изначально ясно, что националистически окрашенный «майдан» ведёт к расколу этой страны. Ведёт к острейшему гражданскому конфликту, к нарушению прав человека, к хаосу и к человеческим жертвам. И сколько бы заклинаний про целостность Украины сейчас ни произносилось, виновными в нынешнем обострении являются те, кто устроил государственный переворот и дошёл до сговора с отпетыми экстремистами. С теми, кто в результате пролил кровь. (Нарышкин 2014а.)

В примере (24) Нарышкин называет демонстрации и протесты майдана *националистически окрашенными* и утверждает, что *«Любому здравомыслящему человеку было изначально ясно»*, что это ведет к хаосу, таким образом утверждая, что каждый человек, который сочувствовал протестам, – нездоров. Нарышкин использует риторический избыточный повтор предлога «к», тут в предложении *«Ведёт к острейшему гражданскому конфликту, к нарушению прав человека, к хаосу и к человеческим жертвам»* – целью данной тактики является придать речи торжественность. В данном случае Нарышкин также оценивает переворот, как совершенный *экстремистами*. В конце абзаца использована метафора *«С теми, кто в результате пролил кровь»*, которая, безусловно, усиливает образ стоящих ныне у власти как опасных лиц.

В примере (25) видно, как Нарышкин дальше оценивает вмешательство США в качестве *грубого*.

- (25) Я убеждён: столь грубое вмешательство Запада во внутренние дела страны, которая для нас много больше, чем просто сосед, критически подрывает стратегическое равновесие в мире. И угрожает не одной России, а безопасности целого ряда государств Евразии, веками имеющих свои экономические и военно-политические связи. (Нарышкин 2014а.)

В примере (25) Нарышкин в том же выступлении обсуждает *«грубое вмешательство Запада»* в дела Украины и опять подчеркивает первостепенную важность отношений России с Украиной. Слова Нарышкина о том, что Украина *«для нас много больше, чем просто сосед»*, – это прямая апелляция к чувствам слушателя. Используя местоимения «нас», Нарышкин говорит о русском народе, включая себя в его состав, и подходит таким образом ближе к обычному народу. Нарышкин поднимает также тему угрозы, подчеркивая, что это *«угрожает не одной России, а безопасности целого ряда государств Евразии»*.

- (26) Я убеждён: сейчас надо делать всё, чтобы международное право не потеряло своей системности и не стало выборочным повсеместно. Нельзя допустить,

чтобы аморальные, эгоистические интересы поставили его на грань развала.
(Нарышкин 2014а.)

В примере (26) Нарышкин продолжает оправдание присоединения через тактику противоположения, называя интересы противников *аморальными и эгоистическими*, подводя к предположению, что интересы Российской Федерации, включая и присоединение Крыма, наоборот, моральные и бескорыстные.

4.3.2 Абстрагирование

В рамках субстратегии абстрагирования действия оправдываются через связывание их с более абстрактными действиями. В нашем исследовании мы формулируем этот вопрос как связь между присоединением Крыма и дискурсом помощи страдающим меньшинствам, а также их спасением. В этом контексте оправдание присоединения Крыма к Российской Федерации происходит по большей части через моральную оценку помощи и спасения – не только этнически русских людей, но и всех этнических меньшинств, живущих под так называемыми репрессиями украинского государства.

Вначале приведем примеры из речи Владимира Путина от 18 марта, в которых присоединение оправдано через моральную оценку прав меньшинств Крыма. В этих примерах риторическое противоположение происходит либо между Россией и украинским государством, либо между Россией и США.

- (27) Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы «самостийности», независимости, власть, что называется, их «достала», опостылела просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они «доили» Украину, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки. При этом властей предержащих мало интересовало, чем и как живут простые люди, в том числе почему миллионы граждан Украины не видят для себя перспектив на родине и вынуждены уезжать за границу на подённые заработки в другие страны. Хочу отметить, ни в какую-то Силиконовую долину, а именно на подённые заработки. Только в России в прошлом году их работало почти 3 миллиона человек. По некоторым оценкам, объём их заработка в 2013 году в России составил более 20 миллиардов долларов, это порядка 12 процентов ВВП Украины. Повторю, хорошо понимаю тех, кто с мирными лозунгами вышел на майдан, выступая против коррупции, неэффективного госуправления, бедности. Права на мирный протест, демократические процедуры, выборы для того и существуют, чтобы менять власть, которая не устраивает людей. Но те, кто стоял за последними

событиями на Украине, преследовали другие цели: они готовили государственный переворот очередной, планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем. В ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня ещё до сих пор жизнь на Украине. (Путин 2014.)

В примере (27) Путин говорит про события майдана и про тяжелую политическую ситуацию на Украине. Интересно, что тут противник – украинское руководство, но все-таки Путин вначале прямо не называет никого. Использован действительный залог в отношении руководителей украинского государства, например, *«Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады»*, *«Они «доили» Украину»* и *«При этом властей предрежающих мало интересовало»* но не названо, кого конкретно он имеет в виду под «ними». Это риторическая тактика, которая создает позитивный образ самого говорящего, поскольку он прямо никого не обвиняет и оказывается таким образом более дипломатичным. Дальше в данном примере Путин говорит о людях, которые вышли на майдан, выражая в речи свое понимание их поступков, подчеркивая понимание лексическим повторением слова несколько раз. Тут опять создается позитивный образ России, поскольку Путин говорит положительно о людях, подкрепляя это прилагательным *«простые»*, и против государства, которое, по его словам, *«доило»* Украину. Использование такого яркого выражения является эффективной риторической стратегией, поскольку такое противопоставление легче остается в памяти слушающих. Действия участников переворота опять осуждаются, и Путин говорит, что в результате переворота *«в ход были пущены и террор, и убийства, и погромы»*, усиливая ужасный образ с помощью многосоюзия.

В конце абзаца в примере (27) Путин прямо называет исполнителей переворота *националистами, неонацистами, русофобами и антисемитами* – это риторическая тактика наименования, и в этом случае названия таковы, что они безусловно вызывают определенные чувства в русском человеке из-за памяти об исторических аналогиях. Страх и образ угрозы являются эффективными средствами апелляции к эмоциям. Вышеупомянутые наименования, конечно, вызывают эмоции боязни и ощущение угрозы, так как они прямо возникают по ассоциации со Второй мировой войной и гитлеровской Германией. В состав таких наименований также добавлено слово *русофобы*, успешно связанное с теми самыми наименованиями, которые возникают по ассоциации со Второй мировой войной. Последнее предложение в абзаце *«Именно они во многом определяют и*

сегодня ещё до сих пор жизнь на Украине» переводит отсылку с этих националистов на украинское государство и впервые называет «их», о которых идет речь.

- (28) Однако ситуация стала развиваться по-другому. Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции. И конечно, русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного политического и государственного перманентного кризиса, который сотрясает Украину уже более 20 лет. (Путин 2014.)

В примере (28) Путин говорит о попытках ограничить права этнических меньшинств на Украине. Это утверждение подчеркнуто, например, словосочетанием «раз за разом», что создает предположение, что Россия уже не раз пыталась защищать меньшинства от таких попыток. Также Путин связывает сегодняшний кризис с долговременным кризисом в Украине, подкрепляя свое утверждение прилагательным *перманентный*.

- (29) Я обращаюсь и к народу Украины. Искренне хочу, чтобы вы нас поняли: мы ни в коем случае не хотим нанести вам вред, оскорбить ваши национальные чувства. Мы всегда уважали территориальную целостность украинской державы, в отличие, кстати, от тех, кто принёс единство Украины в жертву своим политическим амбициям. Они щеголяют лозунгами о великой Украине, но именно они сделали всё, чтобы расколоть страну. Сегодняшнее гражданское противостояние целиком на их совести. Хочу, чтобы вы меня услышали, дорогие друзья. Не верьте тем, кто пугает вас Россией, кричит о том, что за Крымом последуют другие регионы. Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно. Что касается Крыма, то он был и останется и русским, и украинским, и крымско-татарским. Повторю, он будет, как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов. Но он никогда не будет бандеровским! (Путин 2014.)

В примере (29) Путин дальше обращается к народу Украины – это апелляция к чувствам слушателя. По словам Путина, единственная причина присоединения Крыма к Российской Федерации – это то, что лишь в составе Российской Федерации Крым может свободно остаться русским, украинским и крымско-татарским, как видно по предложению «*Что касается Крыма, то он был и останется и русским, и украинским, и крымско-татарским*». В этой фразе опять использовано многосоюзие (повтор союза «и») для укрепления сказанного. Также снова использована тактика противоположения, когда Путин обвиняет неназванных

противников из-за спровоцированного ими политического хаоса на Украине: *«Мы всегда уважали территориальную целостность украинской державы, в отличие, кстати, от тех, кто принёс единство Украины в жертву своим политическим амбициям»*. Также в конце абзаца Путин непрямо называет нынешнее государство Украины *«бандеровским»*, связывая современное государство с украинскими националистами, известными из истории. Такая ассоциация снова использована, чтобы вызывать ответные чувства в слушателях.

В выступлении Сергея Нарышкина от 21 марта также создается представление о России как о герое, защищающем этнические меньшинства от угрозы репрессий.

- (30) Россия не устаёт предупреждать мир об этой угрозе. И при всём этом именно Россия испытывает сейчас беспрецедентное давление со стороны тех, кто не считает произошедшее в Киеве трагедией и спешит всячески ободрить так называемую «новую власть» - уже причастную к гибели и ранениям нескольких сотен людей в ходе февральских уличных столкновений. Тем самым - по факту признаёт легитимным сам способ формирования этой власти. Выходит, что вооружённая борьба и экстремистские лозунги в одночасье перестали противоречить и общеевропейским ценностям, и принципам международного права? Так кто же тогда его сегодня разрушает? (Нарышкин 2014а.)

В примере (30) имеется утверждение Нарышкина о том, что Россия *«не устаёт предупреждать мир об этой угрозе»*, что снова создает геройский образ России, которая спасает мир и помогает слабым, оправдывая присоединение дискурсом спасения мира. Противоположение тут выражено через фразу *«именно Россия испытывает сейчас беспрецедентное давление со стороны тех, кто»*, подчеркивающую давление при помощи атрибута *беспрецедентный*, который еще более усиливает противоположение. Интересно также, что Нарышкин говорит и о *так называемой новой власти*, используя иронический и пренебрежительный стиль по отношению к главе Украины – то же самое обозначение использовалось в речи Путина. В данном случае Нарышкин утверждает, что новая власть Украины на самом деле виновата в хаосе и человеческих жертвах в Киеве. В конце абзаца Нарышкин также при помощи двух риторических вопросов возлагает вину на западные страны, спрашивая: *«Так кто же тогда его сегодня разрушает?»*. При помощи данного противоположения действия Российского государства кажутся, наоборот, спасением.

Пример (31) демонстрирует, как Сергей Лавров в своем выступлении оправдывает присоединение через дискурс защиты и спасения меньшинств.

- (31) Историческое решение о воссоединении Крыма с Россией происходит на фоне трагических событий на Украине. В братской для России стране при поддержке извне совершен государственный переворот. По сей день там продолжается беззаконие, ежедневно фиксируются выходки национал-радикалов, антисемитов и прочих экстремистов, на которых опирается новая власть. Реальные угрозы жизни и безопасности людей, повседневные случаи насилия, грубое и массовое нарушение прав человека на Украине, включая дискриминацию и преследование по признакам национальной принадлежности, языка и политических убеждений, – все это сделало существование Республики Крым в рамках украинского государства невозможным. (Лавров 2014а.)

В примере (31) видно, как Лавров оправдывает присоединение Крыма к Российской Федерации через дискурс спасения народа Крыма. Лавров утверждает, что *«По сей день там продолжается беззаконие, ежедневно фиксируются выходки национал-радикалов, антисемитов и прочих экстремистов»*, называя «новую власть» теми же обозначениями, что Путин и Нарышкин ранее в своих выступлениях. Такие названия отчасти оправдывают присоединение из-за того, что они вызывают в слушателе чувство страха из-за исторических параллелей.

4.3.3 Аналогия

Согласно субстратегии аналогии действия оправдываются через сравнение их с другими, уже воспринятыми событиями. Также противоположные, негативные действия сравниваются с негативными событиями. В контексте присоединения Крыма к Российской Федерации в изучаемом материале присоединение сравнивается, например, с выходом Украины из состава Советского Союза или самоопределением Косова в 2008 году, а эти события были хорошо восприняты международной общественностью. Негативными сравнениями являются в этом контексте, например, предположительное продолжение ограничивающих лингвистических прав этнических меньшинств, если не произойдет присоединения, и сравнение этих событий с репрессиями в отношении меньшинств, знакомыми из истории.

Начнем с примеров, в которых присоединение сравнивается с позитивными событиями, а потом перейдем к негативным сравнениям. В примере (32) Путин в своей речи от 18 марта сравнивает вхождение Крыма в состав России с выходом Украины из СССР.

- (32) Далее. Объявляя о своей независимости, назначая референдум, Верховный Совет Крыма сослался на Устав Организации Объединённых Наций, в котором говорится о праве нации на самоопределение. Кстати, и сама Украина, я

хочу это напомнить, объявляя о выходе из СССР, сделала то же самое, почти текстуально то же самое. На Украине воспользовались этим правом, а крымчанам в нём отказывают. Почему? (Путин 2014.)

В примере (32) Путин говорит о том, как Украина заявила о выходе из Советского Союза, и сравнивает это событие с заявлением о независимости Совета Крыма, утверждая, что эти два случая *«почти текстуально»* одинаковы. Тут опять использована риторическая тактика повторения оборота *«то же самое»*, в целях укрепления представления об аналогичности событий. В конце абзаца Путин также задает риторический вопрос.

Далее, см. пример (33), Путин сравнивает присоединение с самоопределением Косово.

- (33) Почему-то то, что можно албанцам в Косово (а мы относимся к ним с уважением), запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму. Опять возникает вопрос: почему? От тех же Соединённых Штатов и Европы мы слышим, что Косово - это, мол, опять какой-то особый случай. В чём же, по мнению наших коллег, заключается его исключительность? Оказывается, в том, что в ходе конфликта в Косово было много человеческих жертв. Это что - юридически правовой аргумент, что ли? В решении Международного Суда по этому поводу вообще ничего не сказано. И потом, знаете, это даже уже не двойные стандарты. Это какой-то удивительный примитивный и прямолинейный цинизм. Нельзя же всё так грубо подвёрстывать под свои интересы, один и тот же предмет сегодня называть белым, а завтра - чёрным. Получается, нужно доводить любой конфликт до человеческих жертв, что ли? (Путин 2014.)

В примере (33) Путин обвиняет США и Европу в двойных стандартах в отношении Косово и Крыма. В рассматриваемом примере также задано четыре риторических вопроса, при помощи которых слушатель начинает ставить правильность негативного отношения Запада под сомнение. В начале абзаца Путин также утверждает, что Россия относится к Косово с уважением, опять создавая более позитивное представление о России, даже если Россия до сих пор не признала независимость Косова. Дискурс о двойных стандартах эффективно подкреплён тут при помощи метафоры *«один и тот же предмет сегодня называть белым, а завтра – чёрным»*.

Далее Сергей Нарышкин в своем выступлении от 21 марта сравнивает присоединение Крыма с понятием свободы.

- (34) Сегодня я хочу обратиться и к народу Соединённых Штатов Америки, к людям, которые со времён основания этого государства, принятия Декларации

независимости гордятся тем, что свобода для них превыше всего. Разве стремление жителей Крыма к свободному выбору своей судьбы не является такой же ценностью? Поймите нас. (Нарышкин 2014а.)

В примере (34) Нарышкин обращается к народу США, связывая присоединение Крыма к России с ценностью свободы и давая референцию к Декларации независимости США. В результате такого сравнения создается представление о неискренности американцев, успешно подкрепляется противоположение и возникает даже чувство гнева в русском слушателе.

В тексте примера (35) Нарышкин сравнивает присоединение с событием из истории.

- (35) В эти дни происходят события поистине исторического масштаба. Подобно тому, как 360 лет назад своё историческое решение о присоединении к России приняла Переяславская Рада, сегодня свободно и решительно о своём решении заявили жители Крыма и Севастополя. (Нарышкин 2014а.)

В примере (35) Нарышкин дает референцию к отдаленным событиям в истории, сравнивая присоединение Крыма с тем, как земли Войска Запорожского под предводительством Богдана Хмельницкого вошли в состав Русского царства в XVII веке. Используя такое сравнение, Нарышкин стремится представить присоединение Крыма к России как событие такого же исторического масштаба.

Дальше перейдем к негативным сравнениям, которые в нашем исследовании по большей части ограничиваются гипотетическими угрозами репрессий в отношении этнических меньшинств на Украине. В этой связи главными событиями для сравнения являются те, которые вызывают определенные чувства в русском слушателе. В этих заявлениях репрессии в отношении меньшинств сравниваются с репрессиями советских времен и даже с этнической чисткой евреев в гитлеровской Германии.

- (36) Да, был период, когда к крымским татарам, так же как и к некоторым другим народам СССР, была проявлена жестокая несправедливость. Скажу одно: от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей. Крымские татары вернулись на свою землю. Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические, законодательные решения, которые завершат процесс реабилитации крымско-татарского народа, решения, которые восстановят их права, доброе имя в полном объёме. (Путин 2014.)

В примере (36) эффективно создается представление о том, что советские репрессии в отношении крымских татар до сих пор продолжались в Крыму, и только после вмешательства России условия жизни этнических меньшинств в Крыму станут лучше. Это видно по последней фразе *«Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические, законодательные решения, которые завершат процесс реабилитации крымско-татарского народа, решения, которые восстановят их права, доброе имя в полном объёме»*, создавая впечатление того, что государство России будет принять решения, которые украинское государство не приняло.

В тексте примера (37) Путин связывает угроза репрессий в отношении меньшинств на Украине с этнической чистки евреев.

- (37) Первым делом новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств. Правда, зарубежные спонсоры этих сегодняшних «политиков», кураторы сегодняшних «властей» сразу одёрнули инициаторов этой затеи. Они-то люди умные, надо отдать им должное, и понимают, к чему приведут попытки построить этнически чисто украинское государство. Законопроект был отложен, отложен в сторону, но явно про запас. О самом факте его существования сейчас умалчивается, видимо, расчёт на короткую человеческую память. Но уже всем стало предельно ясно, что именно намерены в дальнейшем делать украинские идейные наследники Бандеры - приспешника Гитлера во время Второй мировой войны. (Путин 2014)

В примере (37) Путин связывает украинскую языковую политику с этнической чисткой. Путин с ироническим оттенком называет зарубежных спонсоров Украины *«умными людьми»* и утверждает, что они *«понимают, к чему приведут попытки построить этнически чисто украинское государство»*. Конец этого предложения является открытым для толкования: то, к чему данные попытки ведут, не названо – это также распространенная риторическая тактика политического дискурса. Метафора *«явно про запас»* укрепляет смысл того, что что-то ужасное случилось бы, если бы не состоялось присоединение Крыма к России. В конце абзаца Путин еще дальше проводит отсылку к Гитлеру, связывая таким образом вышеупомянутые этнические чистки и *наследников Бандеры* со временем Второй мировой войны и этническими чистками евреев. Россия таким образом опять оказывается единственной страной, интересующейся национальными меньшинствами. Также Путин упоминает о короткой человеческой памяти в

предложении «*видимо, расчёт на короткую человеческую память*» — это важный момент, поскольку здесь также дается референция к истории в контексте чистке евреев.

В примере (38) Путин опять сравнивает присоединение с событиями вокруг Косова, говоря про войну Югославии в 1999 году, где также воевали войска НАТО во главе с США. В этой связи Путин упоминает то, как действия НАТО в Югославии и после этого на Ближнем Востоке нарушали и нарушают резолюцию Совета Безопасности ООН.

- (38) Так было в Югославии, мы же хорошо об этом помним, в 1999 году. Трудно было в это поверить, глазам своим не верил, но в конце XX века по одной из европейских столиц - по Белграду в течение нескольких недель наносились ракетно-бомбовые удары, а затем последовала настоящая интервенция. Что, разве была резолюция Совбеза ООН по этому вопросу, разрешающая такие действия? Ничего подобного. А потом были и Афганистан, и Ирак, и откровенные нарушения резолюции СБ ООН по Ливии, когда вместо обеспечения так называемой бесполётной зоны тоже начались бомбёжки. (Путин 2014.)

С риторической точки зрения интересно в примере (38) то, как Путин обращается к слушателям в первой фразе: «*мы же хорошо об этом помним*». Путин продолжает, приводя другую метафору: «*глазам своим не верил*», подчеркивая неожиданность военных действий НАТО в Югославии, силу которых Путин четко представляет реальным фактом. Далее Путин задает риторический вопрос и сам отвечает на него, усиливая представление о несправедливости. В конце примера Путин выражает свою обеспокоенность действиями НАТО на Ближнем Востоке, подчеркивая свою позицию многосоюзием (употребляется союз «и»), в результате чего Россия кажется доброжелательной, а США, в противоположность ей, нет.

4.4 Рационализация

Как уже было представлено в разделе 3.3, согласно теории ван Левена, существует два вида рационализации – *инструментальная* и *теоретическая*. Эти две субкатегории еще подразделяются на более конкретные виды. К способам оправдания *инструментальной* рационализации относятся референции к *целям, пользе и влиянию* действия. *Теоретические* способы рационализации включают в себя такие способы, как *определение, разъяснение и предсказание*.

В заявлениях, изучаемых в настоящем исследовании, оправдание вхождения Крыма в состав Российской Федерации происходит чаще всего инструментальными способами. В рамках этой категории оправдание присоединения рационализировано через референцию к тому, как в результате вмешательства Запада во внутренние дела Украины на Украине теперь – хаос и политический кризис, которые привели к формированию националистического руководства страной и попыткам ограничить прав этнических меньшинств, в результате чего в Крыму был проведен референдум и население Крыма проголосовало за присоединение к Российской Федерации. Наиболее часто используемым способом применения рассматриваемой категории, таким образом, является ориентация на влияние действия. Этот раздел в дальнейшем делится в соответствии с субкатегориями рационализации на инструментальную и теоретическую, и в каждом разделе мы рассматриваем примеры из сделанных официально заявлений. Важные моменты подчеркнуты в соответствующих примерах.

4.4.1 Инструментальная рационализация

Примерами инструментальной рационализации являются такие, как оправдание через референцию к целям, пользе и влиянию определенных действий, как уже было объяснено в разделе 3.3. В настоящем разделе представлены примеры в соответствии с тремя субкатегориями, начиная с ориентированных на цели действий.

Под ориентированием на цели подразумеваются формулы типа «Я делаю X для того, чтобы добиться / получить Y», или «Я делаю X для того, чтобы предотвратить Y». В этом контексте формулой может быть, например, «Крым вошел в состав Российской Федерации, чтобы спасти этнические меньшинства, проживающие там», или «Присоединение Крыма состоялось, чтобы предотвратить репрессии в отношении крымского населения».

Пример (39) взят из речи Путина от 18 марта, и в нем оправдывается присоединение Крыма через логическую формулу того, что в присоединении нуждались, чтобы крымчане могли наконец-то самоопределяться.

- (39) В связи с этим жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить того, что происходило, да и сейчас ещё происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины. Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто преда-

тельством. Прежде всего нужно было помочь создать условия для мирного, свободного волеизъявления, чтобы крымчане могли сами определить свою судьбу первый раз в истории. (Путин 2014.)

В примере (39) Путин утверждает, что *«жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь»* и Россия не могла *«оставить Крым и его жителей в беде»*. Эту логичную мысль подкрепляет слово *«разумеется»*. Во фразе *«не допустить того, что происходило, да и сейчас ещё происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины»* серьезность угрозы подчеркнута риторическим повтором предлога. То, что именно происходит в данных городах на Украине, не объясняется, создавая представление о том, что события негативны и всем известны. По словам Путина, Россия помогла лишь в создании благополучных условий для референдума. В конце абзаца подчеркнуто то, что крымчане могли *«первый раз в истории»* самоопределяться. Заметим, что это является очевидной референцией к тяжелой истории крымчан и таким образом является также апелляцией к чувствам слушателя.

Под ориентацией на пользу действий подразумеваются формулы типа «Я достигаю Y при помощи X-а / благодаря использованию X», в этом контексте формулой может являться «Благодаря интервенции Российской Федерации достигнута справедливость в отношении жителей Крыма». Ниже в примере (40) логика заключается в том, что референдум можно было провести благодаря самообороне Крыма и военнослужащим Украины.

- (40) Скажу прямо: если бы местные силы самообороны Крыма вовремя не взяли ситуацию под контроль, там тоже могли бы быть жертвы. И слава Богу, что этого не случилось! В Крыму не произошло ни одного вооружённого столкновения и не было человеческих жертв. Как вы думаете, почему? Ответ простой: потому что против народа и его воли воевать трудно или практически невозможно. И в этой связи я хочу поблагодарить украинских военнослужащих, а это немалый контингент - 22 тысяч человек с полным вооружением. Я хочу поблагодарить тех военнослужащих Украины, которые не пошли на кровопролитие и не запятнали себя кровью. (Путин 2014.)

В примере (40) Путин благодарит силы самообороны Крыма и военнослужащих Украины за их действия вовремя кризиса. Путин также еще раз подтверждает, что в Крыму не было человеческих жертв, даже если в самообороне Крыма была нужда. Причиной этого Путин называет *невозможность* воевать против народа и его воли, отвечая опять самостоятельно на свой же на риторический вопрос.

Ответ является довольно абстрактным, несмотря на то, что он оформлен логической конструкцией. Ответ также подкрепляет мысль о том, как сильно жители Крыма, по словам Путина, хотели провести референдум и самоопределиваться. Путин, кроме того, намекает на то, что некоторые военнослужащие Украины сами решили не идти *«на кровопролитие и не запятнали себя кровью»*. Цель использования такой образной метафоры – вызвать чувство страха в слушателях, создавая представление о том, какие страшные условия жизни у крымчан были по вине украинского государства. Утверждение о том, что некоторые военнослужащие Украины якобы выступали за самоопределение Крыма, также отчасти подкрепляет представление о том, что действия России в Крыму были правильными. Также культурно-религиозное выражение в начале абзаца *«слава Богу»* дополнительно драматизирует сказанное и делает Путина ближе к слушающим, к обычным гражданам.

В примере (41) происходит ориентация также на пользу действия, но через референдум в Крыму.

- (41) Напомню также, что в Киеве уже прозвучали заявления о скорейшем вступлении Украины в НАТО. Что означала бы эта перспектива для Крыма и Севастополя? То, что в городе русской воинской славы появился бы натовский флот, что возникла бы угроза для всего юга России - не какая-то эфемерная, совершенно конкретная. Всё, что реально могло бы произойти, это всё то, что реально могло бы произойти, если бы не выбор крымчан. Спасибо им за это. (Путин 2014.)

В примере (41) показано, как говорящий ориентируется на пользу действия, поскольку смысл этого абзаца заключается в том, что «если бы крымчане не высказались за присоединение к России – на крымском полуострове мог бы появиться натовский флот, из-за которого возникла бы угроза для России». Тут с точки зрения инструментальной рационализации достигается нечто (в данном контексте это безопасность) при помощи чего-то (в данном контексте – благодаря выбору крымчан). При помощи такой внешней угрозы успешно оправдываются действия политических деятелей. В данном примере Путин подчеркивает конкретность угрозы натовского флота словами *«угроза для всего юга России - не какая-то эфемерная, совершенно конкретная»* посредством риторической тактики антитезы – тут антонимами являются прилагательные *эфемерный* и *конкретный*. Путин в данном случае, поблагодарив крымчан, подчеркивает значимость выбора самих крымчан, а не прямо оправдывает действия России, тут важен лишь выбор крымчан.

Под ориентацией на влияние или результаты подразумевают формулы типа «Y – это результат X-а». В таком контексте это может быть понято в смысле «Справедливость – это результат присоединения» или через ход мысли «Присоединение – это результат хаоса на Украине, а хаос на Украине – результат вмешательства Запада». Как уже было упомянуто в разделе 3.5.1, в русском языке гораздо больше слов для обвинения, чем для оправдания – это видно в нижеследующих примерах. Внизу в примере (42) вначале говорится про вмешательство Запада во внутренние дела Украины.

- (42) Была и целая череда управляемых «цветных» революций. Понятно, что люди в тех странах, где были эти события, устали от тирании, от нищеты, от отсутствия перспектив, но эти чувства просто цинично использовались. Этим странам навязывались стандарты, которые никак не соответствовали ни образу их жизни, ни традициям, ни культуре этих народов. В результате вместо демократии и свободы - хаос, вспышки насилия, череда переворотов. «Арабская весна» сменилась «арабской зимой». (Путин 2014.)

В примере (42) Путин исходит из того, как Украине *«навязывались стандарты, которые никак не соответствовали ни образу их жизни, ни традициям, ни культуре»*. Тут опять использовалась тактика противоположения: неназванные деятели *«навязывали»* несоответствующие Украине стандарты. Даже если противник тут прямо не назван, мы можем предполагать, что имеются в виду США. В связи с этим утверждением, как и с фразой *«устали от тирании, от нищеты, от отсутствия перспектив»*, снова используется риторическая тактика повтора предлога, чтобы подкрепить данные утверждения. Последнее предложение тут также интересно: *««Арабская весна» сменилась «арабской зимой»*». При помощи этой метафоры успешно сравниваются демонстрации *арабской весны* с *цветными революциями* и с *Евромайданом* и создается при помощи антитезы образ того, как весна, символ радости и солнца, становится холодной, темной зимой. Благодаря использованию этих антонимов эффективно создается неблагоприятный образ этих демонстраций, который легко запоминается.

Пример (43) показывает, как США прямо обвиняются во вмешательстве во внутренние дела Украины.

- (43) В сегодняшнем стремлении подвергнуть Россию санкциям я вижу не что иное, как попытку западных политиков оправдаться в глазах общественного мнения. И возложить на нашу страну ответственность за их собственные про-

валы, приведшие Украину к хаосу, глубочайшему политическому кризису и человеческим жертвам. Однако язык санкций никогда не решал таких проблем. (Нарышкин 2014а.)

Как видно из примера (43), Нарышкин в своем выступлении от 21 марта говорит о санкциях, направленных против России, и обвиняет США (очевидно, из-за референции к санкциям) за хаос на Украине. При помощи данного противоположения создается еще раз негативный образ Запада и более позитивный России, которая лишь спасала жителей Крыма от хаоса на Украине. Нарышкин также утверждает, что санкции лишь являются попыткой США *«возложить на нашу страну ответственность за их собственные провалы»*, опять говоря про «нас» и тем самым сближаясь с русским народом.

В примере (44) также подчеркивается, что политический кризис на Украине вызван не Россией, и таким образом в тексте создается противоположение, а при помощи этого готовится оправдание присоединения.

(44) Государства, которые заинтересованы в обеспечении своей территориальной целостности, обязаны в этих рамках обеспечивать и право народов на свободу и самоопределение. Обязаны воздерживаться от действий, которые затрудняют реализацию права на самоопределение. То, что такие действия нынешними властями в Киеве предпринимались, доказывать не надо - тому масса свидетельств. Своими действиями нынешние власти в Киеве не оставили народу Крыма возможности реализовать право на самоопределение в рамках нынешнего украинского государства. (Лавров 2014б.)

По примеру (44) видно, как Сергей Лавров в своем выступлении от 21 марта утверждает, что присоединение Крыма является результатом плохого управления страной со стороны украинского государства. Повторением слова «*обязаны*» применительно к государству Лавров подтверждает виновность самой Украины в данной ситуации, а фразой *«Государства, которые заинтересованы в обеспечении своей территориальной целостности»* создает представление о том, что Украина, кажется, просто не заинтересована в обеспечении своей территориальной целостности. Лавров также четко утверждает, что доказывать это не надо, поскольку *«тому масса свидетельств»* — это является пустым аргументом, не основанным ни на чем, это средство риторического убеждения, представленное в разделе 3.5.1.

Приведем еще пример (45) ориентации на влияние действия, когда Сергей Нарышкин в своем выступлении от 21 марта 2014 года сравнивает демонстрации майдана с демонстрациями арабской весны.

- (45) Неужели ещё не все европейцы осознали, что сценарий «арабской весны» был, по сути, впервые экспортирован на территорию европейского континента и был здесь довольно успешно реализован? Разве кому-то ещё не понятно, что украинский «майдан» - со всеми его опасными выходами - может теперь повториться в любой из этих европейских стран? (Нарышкин 2014а.)

В тексте примера (45) Нарышкин говорит об угрозе, создающейся вышеупомянутыми демонстрациями не только в адрес России, но и в отношении других стран в Европе. Главный смысл тут заключается в том, что «демонстрации и протесты *Евромайдана* – результат демонстраций *арабской весны*, поэтому они являются причиной нынешнего кризиса на Украине и создают серьезную угрозу для всех европейских стран». В данном примере использованы два риторических вопроса, начинающиеся со слов «неужели» и «разве», использованных в сомнительном контексте. Эти два вопроса также сформулированы некорректно, что характерно для риторической логической тактики *квезиции*. Ответ на такой вопрос дискредитировал бы отвечающего: ответ, например, на второй вопрос «Разве кому-то ещё не понятно, что украинский «майдан» - со всеми его опасными выходами - может теперь повториться в любой из этих европейских стран?» будет или «Нет, еще не понятно», что создало бы глупый образ отвечающего, или «Да, понятно», что также способствовало бы созданию глупого образа отвечающего, поскольку ничто не соответствует реальной ситуации. Интересно в данном примере также то, что, следуя за Путиным, Нарышкин сравнивает *Евромайдан* именно с демонстрациями *арабской весны*.

4.4.2 Теоретическая рационализация

Под теоретическим видом рационализации подразумевают те случаи, когда действие оправдывается честно через какую-то общую правду и представлено через понятие о том, что «так и есть». В этой субкатегории еще существуют три разных способа теоретической рационализации – *определение*, *разъяснение* и *предсказание*. В этом разделе мы будем рассматривать примеры, представляющие эти способы.

Под способами субстратегии определения подразумевают те случаи, в которых ответом на вопрос «почему?» является «потому что так и есть», определяя объект оправдания через другое понятие. В контексте присоединения Крыма ответом на вопрос «почему присоединение Крыма к Российской Федерации правильно?» в изучаемых заявлениях была, например, такая формула: «потому что крымчане страдали от угрозы репрессий со стороны украинского государства и

их надо было спасать», или: «Крымский полуостров – исконно русская земля, что очевидно из истории».

В примере (46) иллюстрируется, как Нарышкин в своем выступлении от 25 апреля дает ссылку на совместную историю Крыма и России и оправдывает тем самым его присоединение к ней.

- (46) А уже в будущем году - Россия и мир встретят 70-летие Великой Победы. Обсудить план действий в этом направлении особенно важно, ведь именно общая историческая память и культурное единство не позволили оторвать Крым от России. (Нарышкин 2014б.)

В примере (46) Нарышкин говорит о 70-летию Великой Победы СССР и связывает сохранение исторической памяти с присоединением Крыма к Российской Федерации, утверждая, что *«именно общая историческая память и культурное единство не позволили оторвать Крым от России»*. Это предложение является интересным из-за того, что создает представление о том, что кто-то старался украсть Крым у России, что выражено при помощи яркого глагола «оторвать». Тут опять использована риторическая тактика противоположения: даже если оппонент остается неназванным, противоположение ясно благодаря использованию переходного глагола «оторвать», который обозначает действие субъекта. Смысл данного примера, таким образом, состоит в том, что какой-то противник попытался оторвать Крым от России, но этого не случилось из-за совместной истории, что доказывает, что Крым принадлежит России.

Под способом разъяснения подразумевают те случаи, в которых говорящий не стремится к оправданию через оправдание действия, а через обращение к деятелям. Ответ на вопрос «почему?», таким образом, будет звучать как «потому что такое действие подходит к характеру этих деятелей». В контексте присоединения Крыма к Российской Федерации ответ на вопрос: «Почему присоединение Крыма к Российской Федерации правильно?» – в изучаемых заявлениях звучал так: «потому что население Крыма по большей части является этнически русским».

В примере (47), взятом из речи Путина от 18 марта, говорится о населении Крымского полуострова в связи с присоединением.

- (47) Крым - это и уникальный сплав культур и традиций разных народов. И этим он так похож на большую Россию, где в течение веков не исчез, не растворился ни один этнос. Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов жили и трудились рядом на крымской земле, сохраняя свою самобытность, традиции, язык и веру. Кстати, сегодня из 2 миллионов 200 тысяч

жителей Крымского полуострова - почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком, и порядка 290-300 тысяч крымских татар, значительная часть которых, как показал референдум, также ориентируются на Россию. (Путин 2014.)

В примере (47) Путин поднимает тему населения Крыма и сравнивает его с населением Российской Федерации. Это разъяснение смысла: «Население Крыма похоже на население Российской Федерации, таким образом, вхождение его в состав Российской Федерации оправдано». Путин также обращает внимание на статистику, согласно которой в Крыму живет полтора миллиона этнически русских и даже больше людей, ориентирующихся на Россию. Представление статистики в рациональном дискурсе является распространенным способом рационализации.

В примере (48) также оправдывается присоединение через референцию к этнически совпадающему населению Крыма.

- (48) Второе. Конфликт на Украине ещё раз и ярко показал последствия забвения исторических уроков. На Украине всегда жили и живут множество народов. И это - многовековая летопись тесной связи украинцев и русских. (Нарышкин 2014а.)

В примере (48) Нарышкин в своем выступлении от 21 марта опять обвиняет противников присоединения за «*забвение исторических уроков*», подкрепляя утверждение при помощи атрибута *яркий*. Предложение «*На Украине всегда жили и живут множество народов*» усилено за счет антитезы антонимов *жили – живут*. Эти средства усиливают сказанное.

Под способами предсказания подразумевают те случаи, в которых оправдание основано на опыте, знании деятеля. Как уже было упомянуто в разделе 3.3, этот способ легко смешивается с оправданием через категорию апелляции к авторитету. В контексте присоединения Крыма оправдание через предсказание происходит благодаря дискурсу угрозы и противоположения, в смысле: «у России не было другого варианта, потому что нам угрожали». Кроме того, существуют и виды оправдания, основанные только на опыте говорящего, но такие случаи оказываются слабыми, потому что их в принципе легко отрицать на основе другого опыта – в изучаемом материале встретились такие варианты оправдания.

Вначале примера (49) представлено оправдание, достигаемое через предсказание, основанное на историческом опыте.

- (49) Нам сегодня угрожают санкциями, но мы и так живём в условиях ряда ограничений, и весьма существенных для нас, для нашей экономики, для нашей страны. Например, ещё в период «холодной войны» США, а затем и другие страны запретили продавать в СССР большой перечень технологий и оборудования, составив так называемые КОКОМовские списки. Сегодня они формально отменены, но только формально, на деле многие запреты по-прежнему действуют. Словом, у нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но всё имеет свои пределы. (Путин 2014.)

В примере (49) Путин в своей речи от 18 марта, обсуждая санкции против России, обвиняет США за пресловутую политику в отношении России. Логическая формула в данном примере: «Постоянные угрозы со стороны США создали эту ситуацию, которая, как мы по опыту знаем, будет продолжаться, и у нас не было другого варианта». В связи с этим противоположением Путин трижды использует повтор предлогов: *«и весьма существенных для нас, для нашей экономики, для нашей страны», «которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается и сегодня» и «загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами»*. Путин также дает референцию ко времени холодной войны, которая еще подкрепляет представление об угрозе со стороны США. Возникает чувство страха и, возможно, гнева, при помощи чего ситуация кажется несправедливой для России. Несправедливость выражена ясно во фразе *«Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим»*, что подкрепляется повтором предлога, а конец предложения создает образ честной России и, наоборот, лицемерных США.

Далее в нижеследующих примерах говорящие ограничиваются способами предсказания, основанными на опыте сегодняшнего дня.

- (50) Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки. Трудно с этим не согласиться. Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду. Наша

страна находилась тогда в таком тяжёлом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы. Но люди не могли смириться с вопиющей исторической несправедливостью. (Путин 2014.)

В примере (50) Путин обращает внимание на свой личный опыт, что заметно по началу «я слышал», и использует метафору «*их передали из рук в руки просто как мешок картошки*», чтобы подкрепить описание несправедливости, переживаемой крымчанами. Далее Путин задает обвиняющие вопросы России, в ответ на которые опять сам дает объяснение: «*Наша страна находилась тогда в таком тяжёлом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы*».

- (51) Депутаты Государственной Думы в течение последнего месяца много были в Крыму, они видели в глазах крымчан сначала надежду, а потом радость - радость за то, что Россия их поддерживает. Эта поддержка вселила в них уверенность, и они ясно и однозначно сделали свой выбор в пользу того, чтобы вернуться на свою Родину, а Родина их ждала. (Церемония 2014.)

В примере (51) Нарышкин на Церемонии подписания законов от 21 марта также говорит о собственном опыте депутатов Государственной Думы (членом которых он и сам является). Чтобы передавать уверенность в сказанном, Нарышкин повторяет в данном примере слова «*радость*» и «*Родина*». Риторический стиль лексического повтора, использованный в этом примере, называется *стыком*: под тактикой *стыка* подразумевается повторение каких-то слов внутри предложения. Стык также эффективно придает ощущение логичности. Повторение именно слова «*Родина*» – это важный риторический способ в данном примере, поскольку логический смысл этого предложения заключается в том, что Крымский полуостров является исконно русским.

4.5 Мифопоэтика

Последняя категория в теории ван Левена – мифопоэтика, как уже было объяснено в разделе 3.4. Категория мифопоэтики включает в себя морализованные рассказы, которые подразделяются на две субкатегории: *поучительные* и *апокрифические* рассказы. В изучаемом материале эта категория не была наиболее распространенной, а примеров, подпадающих под категорию мифопоэтики, встретилось лишь несколько.

В контексте присоединения Крыма вышеупомянутыми рассказами могли быть, например, рассказы про «настоящих» крымчан. В изучаемом материале

все-таки таких рассказов не нашлось, а чаще всего обнаруживались рассказы, содержащие повествовательные элементы, скажем, про народ Крыма в целом или про историю Крыма. Однако история Крыма пересказывалась в заявлениях по большей части в сказочном стиле, и поэтому нам кажется, что в отношении такого вида оправдания, касающегося соединения одной территории с другой, именно история может играть большую роль в рассказах, относящихся к категории мифопоэтики. В этой связи заметим, что в таких сказках героический оттенок вполне обычен.

По теории ван Левена, у категории мифопоэтики существует две субкатегории: поучительные рассказы и апокрифические рассказы. Смысл поучительных рассказов заключается в том, что в них протагонист будет награжден за то, что действовал в рамках общепринятых норм. В апокрифических рассказах протагонист не действует в рамках общепринятых норм и будет наказан за это – такие рассказы являются предупреждением относительно того, что случится, если человек не действует в рамках общепринятых норм. В изучаемом материале, в сказках исторического стиля, эти две субкатегории появляются совместно в большинстве случаев. Поэтому в рамках настоящего исследования мы объединили эти две субкатегории в одну: исторически-поучительные рассказы. Как повествовательные, так и поучительные элементы подчеркнуты в примерах.

4.5.1 Исторически-поучительные рассказы

На наш взгляд, цель исторически-поучительных рассказов заключается не в том, чтобы при помощи награды поощрять к действиям (что было бы *поучительным*) или служить предупреждением (что соответствовало бы *апокрифическому* жанру). Целью исторически-поучительных рассказов является то, что они создают ощущение удовольствия в настоящем через рассказ об исторических событиях. В них история рассказывается с легендарным, героическим оттенком, в котором есть и поучительные, и апокрифические элементы, но они оправдывают действия, совершаемые сегодня, по большей части через историческую символику. Однако исторически-поучительные рассказы отличаются от субкатегории авторитета традиции, которая была представлена в разделе 3.1, в том, в каком стиле происходит оправдание. В категории авторитета традиции действия оправдаются, например, через историю в смысле «так и было всегда», в то время как исторически-поучительные рассказы играют с символикой и героическими сказками из истории.

В контексте присоединения Крыма к Российской Федерации эти рассказы логично ограничиваются сказаниями об истории Крыма. В этой связи использовано много символики, которая выражена, например, при помощи метафор.

- (52) В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг - обращение к православию - предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму - могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым - это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым - это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести. (Путин 2014.)

Пример (52) взят из начала речи Путина от 18 марта. Здесь Путин символично рассказывает об истории Крыма и о его культурном значении для России. Использование таких выражений, как «*пронизано*», «*духовный подвиг*», «*могилы*» и «*город великой судьбы*», придает легендарный оттенок этому абзацу. В данном примере множество раз происходит апелляция к чувствам слушателя, что достигается при помощи референции к исторически значимым местам, в том числе упоминается «*Малахов курган*».

В примере (53) представлено, как в той же речи Путин рассказывает и историю про то, как Крымский полуостров оказался в составе Украины.

- (53) После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учёта национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины. А в 1954 году последовало решение о передаче в её состав и Крымской области, заодно передали и Севастополь, хотя он был тогда союзного подчинения. Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущёв. Что им двигало - стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы - пусть с этим разбираются историки. Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм. Вопрос решили кулуарно, междусобойчиком. Естественно, что в условиях тоталитарного государства у жителей Крыма и Севастополя ни о чём не спрашивали. Просто поставили перед фактом. У людей, конечно же, и тогда возникали вопросы, с чего это вдруг Крым оказался в составе Украины. Но по большому счёту - нужно прямо об этом сказать, мы все это понимаем, - по большому счёту это решение воспринималось как некая формальность, ведь

территории передавались в рамках одной большой страны. Тогда просто невозможно было представить, что Украина и Россия могут быть не вместе, могут быть разными государствами. Но это произошло. То, что казалось невероятным, к сожалению, стало реальностью. СССР распался. События развивались столь стремительно, что мало кто из граждан понимал весь драматизм происходивших тогда событий и их последствий. Многие люди и в России, и на Украине, да и в других республиках надеялись, что возникшее тогда Содружество Независимых Государств станет новой формой общей государственности. Ведь им обещали и общую валюту, и единое экономическое пространство, и общие вооружённые силы, но всё это осталось только обещаниями, а большой страны не стало. И когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, вот тогда уже Россия почувствовала, что её даже не просто обокрали, а ограбили. (Путин 2014.)

В примере (53) Путин рассказывает про историю Крыма в сказочном ключе. Используя такой стиль пересказа истории, Путин желает привлечь внимание к тому, что передача Крымского полуострова в состав Украины была изначально неправильной. Тут виноватым оказывается глава Советского Союза, а еще раньше большевики, и по, словам Путина, *«пусть Бог им будет судья»*. Использование религиозной лексики эффективно приближает Путина к обычному гражданину, а также обособляет подсознательно Путина и современное Российское государство от антирелигиозного Советского Союза. Это сказание также привлекает внимание к несправедливости тоталитарного государства и создает, наоборот, позитивный образ демократической России, справедливой и интересующейся мнением населения Крыма. Распад Советского Союза представлен в данном примере как большая трагедия, например, в предложении *«Тогда просто невозможно было представить, что Украина и Россия могут быть не вместе»*, как если бы речь шла не о двух государствах, а о любовниках или членах семьи.

В примере (53) будущее Крыма после распада Советского Союза также представлено в неблагоприятном виде, например, это событие драматизируется в следующем предложении: *«События развивались столь стремительно, что мало кто из граждан понимал весь драматизм происходивших тогда событий и их последствий»*. Сказание заканчивается выражением чувства несправедливости, ощущаемого в России, что создает представление о том, что все это было преступным замыслом Украины, которая обманула Россию и не отдала некоторые территории, забрав их в состав Украины. Поучением (моралью) этого сказания является и то, что такие исторические ошибки совершены коммунистами, и то, что последствия таких действий и решений оцениваются как негативные. Таким образом оправдывается поддержка референдуму в Крыму и присоединение его к Российской Федерации.

Ниже в примере (54) Валентина Матвиенко в своей речи на Церемонии подписания законов о принятии Крыма в состав России от 21 марта говорит про историю Крыма.

- (54) Наверно, глубоко символично, что сегодня мы все собрались именно в Екатерининском зале в день весеннего равноденствия, который означает поворот к солнцу, к рассвету. Я думаю, что именно такие светлые, праздничные чувства испытывает весь российский народ, воссоединившийся со своими крымскими братьями. Четверть тысячелетия назад, во времена Екатерины Великой, славная земля Тавриды стала частью России. И долгая судьба Крыма, наполненная непростыми временами, наполненная, я бы сказала, трагическими событиями, происходила в течение всей нашей истории. Попытки отторгнуть Крым от России предпринимались неоднократно. Попытки лишить Россию выхода к Чёрному морю предпринимались неоднократно. Героическая оборона Севастополя в годы Крымской войны, бессмертный его подвиг в борьбе с фашистами навечно запечатлён на скрижалях нашей истории. И в последние десятилетия судьба Крыма была также непростая, она проходила уже на наших глазах. Трагическая история Крыма началась не на киевском майдане - она началась тогда, когда было принято волюнтаристское решение Хрущёва, в нарушение тогда действующей Конституции страны. Драма Крыма продолжилась четверть века назад в Беловежской Пуще. И тогда уже, в 1992 году, граждане Крыма хотели провести свой референдум, но тогда это не получилось. Двадцать лет борьбы всё-таки завершились успехом: прошёл референдум, на котором народы Крыма высказали свою единодушную волю. (Церемония 2014.)

Пример (54) взят из начала речи Матвиенко на Церемонии подписания закона о принятии Крыма в состав России. Матвиенко сразу начинает говорить о символическом и сравнивает *день весеннего равноденствия* с присоединением Крыма к Российской Федерации. Далее Матвиенко говорит про историю Крыма, повторяя такие выражения, как «*долгая судьба*», «*трагическая история*» и «*героическая оборона*» в отношении Крыма. Матвиенко в повествовательном стиле описывает историю Крыма как *тяжелую* и *трагическую* и также, как и Путин, обвиняет Хрущева в принятом им решении. Матвиенко также использует лексический повтор в предложениях «*Попытки отторгнуть Крым от России предпринимались неоднократно. Попытки лишить Россию выхода к Чёрному морю предпринимались неоднократно*», начиная и оканчивая предложения одними и теми же словами, подчеркивая таким образом сложности исторического процесса.

По словам Матвиенко, *«Двадцать лет борьбы всё-таки завершились успехом: прошёл референдум, на котором народы Крыма высказали свою единодушную волю»*. Это высказывание создает представление о постоянной борьбе в Крыму, за которой наконец-то последовало вознаграждение, когда Крым стал частью России. Таков поучительный элемент (мораль) ее сказания. В данном примере также использовано множество метафор, как, например, *«бессмертный его подвиг в борьбе с фашистами навечно запечатлён на скрижалях нашей истории»* и *«она проходила уже на наших глазах»*, которые еще больше подкрепляют повествовательный стиль сказания.

Итак, в главе 4 мы проанализировали примеры из устных заявлений официальных лиц Российского государства, которые касаются присоединения Крыма к Российской Федерации, в соответствии с теорией дискурсивной легитимации Тео ван Левена. В этой главе примеры из заявлений распределены по четырем категориям данной теории. На основании проведенного анализа мы можем отметить, что примеры ко всем четырем категориям ван Левена нашлись в нашем исследовательском материале. Дальше мы будем делать выводы из анализа в главе 5.

5. Дискуссия

В настоящем разделе мы будем в заключение рассматривать, какие выводы можно сделать из нашего анализа. Какие именно способы оправдания использовались по поводу присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации в изучаемом материале и какая из категорий теории ван Левена наиболее часто используется, согласно нашему исследованию? Выводы далее подразделяются на два параграфа данной главы: в первом, 5.1, рассматриваются выводы в связи с теорией ван Левена, а во втором, 5.2, обсуждаются самые популярные риторические средства, использованные в изученных официальных заявлениях Российской Федерации. В разделе 5.1 мы исследуем, какая или какие из категорий теории ван Левена оказались наиболее частыми в материале, согласно нашему анализу, а в разделе 5.2 пытаемся понять, какие риторические особенности характеризуют изучаемый материал и что они рассказывают о российской политической риторике.

5.1 Теория ван Левена

Согласно теории ван Левена, существует четыре главные категории дискурсивной легитимации: апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация и

мифопоэтика. При помощи этих четырех категорий можно производить оправдание какого-либо действия, но чтобы оправдать какие-то действия, не обязательно использовать все четыре категории. Они могут встречаться в материале совместно или по отдельности и участвовать либо в легитимации, либо в делегитимации каких-то действий.

Ниже в таблице (2) показана частота встречаемости обнаруженных способов оправдания, отдельно подсчитаны каждая категория и каждый документ, что позволяет ясно выразить соотношение между частотами различных способов в каждом заявлении. Самое большое количество разных способов оправдания встретилось в речи Владимира Путина от 18 марта 2014 года и в выступлении Сергея Нарышкина от 21 марта 2014 года, но эти речи одновременно были и самыми длинными выступлениями в нашем материале. Напротив, запись трансляции «Церемонии подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России», выступления Лаврова и выступление Нарышкина от 25 апреля были самыми короткими, что, безусловно, повлияло на количество видов оправдания в них. Кроме фактора продолжительности, следует учесть, что содержание выступления Сергея Нарышкина от 25 апреля направлено на то, как Крымский полуостров будет интегрирован в состав Российской Федерации. Мы решили все-таки использовать и данное выступление в нашем исследовании из-за того, что, на наш взгляд, оно в некоторой степени разнообразит исследование.

По таблице (2) в заключение можно отметить, что в данном материале самым востребованным способом оправдания оказалась апелляция к авторитету, на которую пришлось 39,2 процентов всех случаев оправдания. Категории моральной оценки на втором месте, у них 30,8 процентов от общего количества, а рационализация на третьем месте, таких случаев встретилось 26,9 процентов. Мифопоэтика на последнем месте, на эти случаи выпало 3,1 процента встречаемости. Далее, из категории апелляции к авторитету, очевидно, наиболее частотными способами оправдания оказались безличный авторитет и авторитет большинства. В соотношении с категориями моральной оценки и рационализации использованные способы распределились между всеми субкатегориями достаточно ровно. Примеры случаев мифопоэтики и исторически-поучительных рассказов были обнаружены почти во всех документах за исключением выступления Сергея Лаврова и выступления Сергея Нарышкина от 25 апреля.

	Апелляция к авторитету	Моральная оценка	Рационализация	Мифопоэтика	n
Обращение Президента 18.03.2014	18	22	21	2	63
Церемония подписания законов	4	3	3	1	11
Выступление Лаврова 20.03.2014	6	2	1	-	9
Выступление Лаврова 21.03.2014	6	1	3	-	10
Выступление Нарышкина 21.03.2014	13	12	6	-	31
Выступление Нарышкина 25.04.2014	4	-	1	1	6
n	51	40	35	4	130
%	39,2%	30,8%	26,9%	3,1%	

Таблица (2): Частота встречаемости категорий оправдания в изучаемом материале.

Самая частотная категория в теории ван Левена, по данным исследований, – это апелляция к авторитету, и именно она оказалась самой распространенной среди всех рассмотренных документов. Однако категория апелляции к авторитету не была самой частотной категорией в речи Путина от 18 марта 2014 года. Как видно из таблицы (2), наиболее популярными категориями в речи Путина были моральная оценка и рационализация. Тем не менее стоит отметить, что различия между этими показателями незначительны, и мы можем все равно сделать вывод, что категория апелляции к авторитету – самая частотная в изучаемом материале.

Между субкатегориями апелляции к авторитету не было выявлено больших различий, за исключением авторитета традиции. Такие виды оправдания, как субкатегории безличного авторитета, авторитета эксперта и авторитета большинства встречались в изучаемом материале одинаково часто. Далее, как видно

из примеров, представленных в разделе 4.2.1, оправдание через категорию безличного авторитета происходит через референцию к международному праву. Из примеров в разделе 4.2.1 в заключение можно отметить, что среди случаев референции к международному праву есть и абстрактные, и конкретные. Более абстрактными являются случаи открытой референции к международному праву без указания точного источника, как, например, в примерах (1) и (3). Более конкретными оказываются те примеры, в которых прямо цитируется собственно международное право. В рамках этой субкатегории официальные заявления Российского государства придерживаются одной линии, и субкатегория становится самой распространенной.

Часто также использовались субкатегории авторитета эксперта и большинства. В рамках субкатегории авторитета эксперта референция была по большей части направлена к неназванным экспертам, что представляет собой эффективный вид риторической манипуляции, по словам Хазагерова (Хазагеров 2002: 34). В изучаемом материале нашелся лишь один пример референции к авторитету эксперта, в речи Сергея Нарышкина от 21 марта, это была референция к словам названного эксперта в примере (10). Путин также использовал референцию к правительствам Китая и Индии в примере (8), что можно считать более прямой референцией, даже если правительство остается неназванным.

Авторитет большинства использовался столь же часто, как и авторитет эксперта. Оправдание через субкатегорию большинства, как мы отметили в разделе 4.2.3, происходило благодаря референции к референдуму в Крыму, в абстрактном плане через референцию к *воле народа* Крыма и к опросам, проведенным в России, и таким образом к мнению большинства россиян. На авторитет большинства ссылались в каждом изученном документе. Субкатегория авторитета традиции оказалась наименее использованной в рамках категории авторитета. К авторитету традиции прибегли лишь Путин в своей речи от 18 марта и Сергей Нарышкин в своей речи от 25 апреля, последний тогда, когда ограничился историей России.

Что касается категории моральной оценки, то оправдание присоединения происходит через моральную оценку действий противников, присоединение связывается с дискурсом спасения этнических меньшинств и сравнивается с позитивными событиями, в то время как условия жизни меньшинств до присоединения сочетаются с негативными событиями; оценка присоединения четко интерпретируется как правильное событие. Все три субкатегории, оценочные способы, абстрагирование и аналогия, были применены в равной мере, но самым распространенным средством оправдания среди всех заявлений оказалась суб-

категория абстрагирования и аналогии. Оценочные способы широко использовались в данном материале, но чаще всего они прямо не касались присоединения. В рамках данной субкатегории оправдание происходит четко через оценивание действия по шкале «хорошо – плохо». Подобно тому, как мы заметили в разделе 4.3.1, негативные оценки применялись в данном материале более часто, чем позитивные. Цель негативных оценок – создать плохой образ противника, а позитивных – создать хороший образ самого себя и при помощи этих сконструированных образов оправдать свои действия.

В рамках субкатегории абстрагирования оправдание присоединения происходит через дискурс страдания и спасения этнических меньшинств в Крыму, и в том числе через морализирование репрессивных действий украинского государства. В этой связи в исследованном материале утверждается, например, что нынешнее государство Украины возглавляется *неонацистами* и *фашистами*, а дальше через референции к закону о русском языке указывается на ограничения лингвистических прав русскоязычного меньшинства в Украине. Через такой дискурс оправдывается вмешательство Российского государства. Субкатегория аналогии была использована лишь в речи Путина от 18 марта и в речи Сергея Нарышкина от 21 марта, но в данных заявлениях субкатегории аналогии встречаются достаточно часто. В этой субкатегории присоединение Крыма к Российской Федерации было оправдано через сравнение события с другими, позитивными историческими событиями, чтобы показать аналогичность упомянутых событий. Мы отмечали, что присоединение Крыма сравнивалось в данном материале с такими событиями, как выход Украины из СССР, самоопределение Косова и присоединение Украины к России в результате решения Переяславской Рады. С негативной точки зрения события, происходившие до присоединения, и условия жизни этнических меньшинств сравнивались с негативными, страшными событиями из истории, например, с репрессиями советских времен, а также с этнической чисткой евреев во время Второй мировой войны.

Согласно категории рационализации, присоединение Крыма к Российской Федерации было оправдано чаще всего через субкатегорию теоретической рационализации, которая является и более распространенной из данных двух субкатегорий. В рамках теоретической рационализации присоединение оправдывается, например, через утверждения «так и есть», «это видно из истории» и через собственный опыт говорящего. В заявлениях говорится про историю и изначальное население Крыма и про то, как они совпадают с историей и населением России, – что является аргументом присоединения в рамках этой субкатегории. Референция к собственному опыту также встречается в заявлениях, в данном случае, например, в примере (50).

Инструментальная рационализация стремится к оправданию через референцию к целям, пользе и влиянию действий. В изученном материале присоединение Крыма было по большому счету оправдано через референцию к внешней угрозе, к тому, что могло бы произойти с меньшинствами Крыма, если бы Крым не был присоединен к Российской Федерации. Присоединение было также представлено как результат хаоса на Украине, созданного западными странами во главе с Соединенными Штатами Америки. Обе субкатегории рационализации достаточно хорошо распространены в рассмотренных документах.

Категория мифопоэтики немного отличается от теории ван Левена в нашем исследовании, как было указано в разделе 4.5. Из-за небольшого количества исторических рассказов в изучаемом материале мы решили добавить новую, придуманную нами субкатегорию, исторически-поучительные рассказы, и включить ее в состав категории мифопоэтики. В исторически-поучительных рассказах присоединение Крыма оправдано, например, через символику героических рассказов. Эти рассказы действуют в пользу присоединения за счет того, как в них показана общая история Крымского полуострова и России, а советское правительство объявлено виновным в расставании. На основании данных таблицы (2) мы можем отметить, что категория мифопоэтики составляет лишь 3,1% от способов оправдания и обнаруживается лишь в трех документах.

В заключение можно отметить, что присоединение Крыма к Российской Федерации оправдано в официальных заявлениях Российского государства через референцию к праву народа на самоопределение, референцию к воле и крымского, и русского народа, через дискурс спасения и страдания этнических меньшинств, живущих в Крыму, через референцию к западной угрозе для России и через совместную историю крымчан и россиян. Как указано в таблице (2), самым распространенным и таким образом наиболее частотным видом оправдания является категория апелляции к авторитету (39,2% от общего числа исследованных случаев). Однако все эти категории оправдания достаточно ровно используются, в отличие от категории мифопоэтики. Кроме того, в заключение можно отметить, что присоединение Крыма к Российской Федерации подтверждается одними и теми же видами дискурсивной легитимации во всех изученных заявлениях, и они ясно следуют одной линии.

5.2 Риторические особенности

В этом разделе мы обсуждаем наиболее часто использованные в данном материале риторические средства. Мы изучаем и то, отличаются ли эти средства в разных документах друг от друга, и то, используются ли во всех заявлениях одни и

те же риторические средства. Интересно также, какие средства повторяются в заявлениях и таким образом оказываются особенностями официальной политической риторики государства Российской Федерации. С точки зрения риторического убеждения, в заявлениях обнаружились одинаковые риторические приемы. Язык политического дискурса Российской Федерации, таким образом, очевидно, преследует одну линию.

Во всех заявлениях широко используются похожие на друг друга обозначения в отношениях, например, с украинским государством или с теми, кто совершил переворот. Такими повторяющимися в заявлениях обозначениями были, например, *неонацисты* (или *националисты/национал-радикалы*), *фашисты*, *антисемиты*, *русофобы* и *экстремисты*, встретившиеся, например, в примерах (24), (27) и (31). При помощи таких ярких негативных названий образуется противоположение, цель которого заключается в создании негативного образа тех, чьи действия будут делегитимированными в дискурсе, и позитивного образа самого себя, в результате чего собственные действия станут легитимными. Риторическая тактика противоположения играла большую роль в нашем материале, как видно из примеров главы 4. Объектам приписывались достаточно яркие наименования в данных заявлениях, поскольку в них использовались среди прочего такие наименования, как *неонацисты*, *экстремисты* и *фашисты*. Однако в отношении к украинскому народу и США наименования были позитивными во всех изученных заявлениях. Украинский народ здесь назывался, например, *братским украинским народом* в (9) и (31) и *страной, много больше, чем просто сосед* в (19). Интересно, что даже если США выступали как противник во многих дискурсах, в отношении них все еще использовались довольно нейтральные обозначения: *западные партнеры* или *Запад*, как в примерах (9) и (23). Данные выражения были использованы во всех изученных речах.

Изобразительность речи была подкреплена, например, атрибуцией, иронией и метафорами. Такие средства широко используются в политическом дискурсе, когда нужно, чтобы высказанное запомнилось людям легче – это также подкрепляет использованные утверждения, как было объяснено уже в разделе 3.5.2. В изученных заявлениях атрибуцию использовали, например, ради подкрепления некоторых утверждений, как в примерах (11) и (20). Стилистически интересной риторической тактикой в заявлениях был их иронический оттенок. Такой оттенок также эффективно привлекает внимание к высказанному, а смешные выражения легко остаются в подсознании слушателей. В этой связи речи Сергея Лаврова оказываются самыми нейтральными, поскольку использованный в них стиль более серьезный и уравновешенный. Тем не менее в других проанализированных речах широко использовался этот прием, например, в примерах (2), (3)

и (22). Метафоры также часто применялись во всех заявлениях, отобранных для нашего исследования. Метафоры придают изобразительность речам и привлекают внимание к ним. Данные заявления были полны интересных метафор, как в примерах (24), (33) и (42). Заметим, что из анализа следует, что при помощи метафор также успешно создается противоположение через сравнение, например, каких-то событий.

Проведенное исследование позволяет заключить, что апелляция к чувствам слушателя в данных заявлениях создается в первую очередь через референцию к истории: либо через наименования, либо через обозначения войн, либо прямо через рассказы об исторических событиях. Исторически окрашенными названиями, используемыми в данных заявлениях, являются в том числе вышеупомянутые *неонацисты*, *бандеровцы*, *антисемиты* и так далее. В заявлениях также часто имеется референция к обозначениям войн, например, к *холодной войне* или ко *Второй мировой войне*, как в примерах (37) и (49). Лишь в выступлениях Сергея Лаврова референция к войнам не встретила. Третий способ апелляции к чувствам через референцию к истории – это рассказы об исторических событиях, по большей части негативных. Такие случаи встретились в большинстве из заявлений, например, в примерах (36) и (37). Заметим, что многие из этих рассказов об исторических событиях передавались либо в связи с субкатегорией аналогии моральной оценки, согласно теории ван Левена, либо с категорией мифопоэтики.

Другим способом вызвать чувства, кроме референции к истории, в данном материале была, например, референция к внешней угрозе при помощи тактики противоположения. Чувство страха возникало в данном материале вместе с референцией к НАТО, как в примере (41), или просто вместе с референцией к косвенно определяемым опасным событиям, как в примере (39). Чувство страха также подкреплялось в заявлениях атрибуцией или метафорами, например, когда речь шла о *кровопролитии* в примерах (24) и (40). Чувство несправедливости в материале возникали, помимо этого, через тактику противоположения, например, в пунктах (34) и (38) через сравнение *аналогичных* событий.

Другими повторяющимися тактиками в заявлениях служили, например, прямой риторический повтор и риторические вопросы. Утверждения подкреплялись с помощью широко использованного лексического повтора, причем повторялись либо одни и те же прозвища в отношении каких-то деятелей, либо союзы или предлоги. Многосоюзие и повтор предлогов придает речам более серьезный оттенок, при помощи которого в данных заявлениях подчеркивались серьезность утверждения: многосоюзие было использовано во всех заявлениях, напри-

мер, в (29) и (49). Риторические вопросы повторялись также в выступлениях Путина от 18 марта и Нарышкина от 21 марта. Большинство риторических вопросов задал Владимир Путин в своей речи, и мы можем даже сделать вывод о том, что постановка риторических вопросов характерна именно для политического дискурса президента Путина. Значение постановки риторических вопросов заключается в том, что они и подкрепляют высказанное, и привлекают к нему больше внимания. Для речей Путина характерно также то, что он сам отвечает на большинство заданных себе самому риторических вопросов, что еще больше усиливает сказанное, как в примерах (2) и (50).

Наиболее часто использованными риторическими средствами убеждения в данном материале, таким образом, являются противоположение, наименование, апелляция к чувствам (чаще всего через историю) и риторические вопросы. Другими риторическими средствами усиления сказанного явилось использование изобразительности, например, использование иронического оттенка и метафор. Заметим на основе анализа, что одни и те же риторические средства использовались более или менее во всех изученных заявлениях. Однако выступления Сергея Лаврова немного отличались от других заявлений и, на наш взгляд, они стилистически оказались более нейтральными, что очевидно, например, из-за того, что в них не использовано столько метафор или атрибуций. Мы можем все равно сделать вывод о том, что у Российской Федерации есть собственный стиль риторического убеждения, так как содержание аргументов совпадает: тактика противоположения использована во всех заявлениях с обозначением тех же самых противников, что видно из повторяющихся обозначений, и апелляция к чувствам широко использована с референцией к истории как крымчан, так и россиян.

6. Заключение

18 марта 2014 Крымский полуостров был присоединен к Российской Федерации, что до сих пор не признается международным сообществом. В настоящей работе мы рассмотрели с лингвистической точки зрения данное присоединение. Особое внимание уделялось тому, как при помощи дискурсивной легитимации (на основе теории ван Левена) присоединение оправдывается в официальных заявлениях Российской Федерации. При этом мы анализировали также риторические средства убеждения, использованные в данных документах.

Материал нашего исследования состоял из устных официальных заявлений, касающихся присоединения Крыма, отобранных по поисковому запросу «Крым и присоединение», на основе корпуса документов в заданный период времени из

базы данных Интегрум. В состав отобранных документов вошли речь Президента Владимира Путина от 18 марта 2014 года в Кремле, выступления Председателя Государственной Думы в тот период времени Сергея Нарышкина от 21 марта 2014 года и от 25 апреля 2014 года, выступления Министра иностранных дел Сергея Лаврова от 20 марта 2014 года и от 21 марта 2014 года и записи трансляции «Церемонии подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России» от 21 марта 2014 года, где выступали Сергей Нарышкин и Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко.

В своем исследовании мы ограничились лингвистическим анализом оправдания присоединения Крыма к Российской Федерации, но продолжить исследование других документов, оправдывающих политические действия Российской Федерации, было бы также интересно, на наш взгляд. Как указано в главе 3, посвященной дискурсивной легитимации, оправдание политических действий политических деятелей является большой частью политического дискурса, и нам кажется, что дискурсивное оправдание не исследуется достаточно, по крайней мере в отношении политического дискурса Российской Федерации. На основе этой работы можно продолжить исследование средств дискурсивной легитимации либо делегитимации политических действий, использованных главой Российской Федерации. Интересно было бы узнать, используются ли те же самые средства оправдания и риторического убеждения в отношении других политических действий, которые необходимо оправдать.

В своем исследовании мы рассматривали те средства, при помощи которых присоединение Крыма к Российской Федерации оправдано дискурсивно, и то, какие риторические средства убеждения при этом использованы. За исключением категории мифопоэтики, на основании анализа мы заметили, что категории теории ван Левена оказались достаточно широко используемыми в отобранных для исследования документах. Оправдание присоединения Крыма к России происходило по большей части через апелляцию к международному праву и воле народа, через дискурс спасения этнических меньшинств в Крыму, через дискурс внешней, западной угрозы в отношении России и через совместную историю Крымского полуострова и России. В этой связи использовались риторические средства противоположения, лексического повтора, апелляция к чувствам и метафоры. В заключение можно отметить, что из анализа изученного для нашего исследования материала можно выделить приметы стиля, характерного для Российского государства.

Список использованной литературы

- BLACK & PLEKHANOV 2016: Black, J. L. & Plekhanov, Sergei. Chronology of Key Events to Minsk II. Black, J. L. & Johns, Michael (ed.) *The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia*. London: Routledge. Pp. 238–279.
- CAP 2017: Cap, Piotr. *The Language of Fear: Communicating Threat in Public Discourse*. London: Palgrave MacMillan.
- CHARTERIS-BLACK 2011: Charteris-Black, Jonathan. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- CHILTON 2004: Chilton, Paul. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
- FAIRCLOUGH 1995: Fairclough, Norman. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman.
- FAIRCLOUGH & FAIRCLOUGH 2012: Fairclough, Isabela & Fairclough, Norman. *Political Discourse Analysis: a Method for Advanced Students*. London: Routledge.
- FAIRCLOUGH & WODAK 1997: Fairclough, Norman & Wodak, Ruth. Critical discourse analysis. Dijk, Teun van (ed.) *Discourse as social interaction*. London: Sage.
- GERLACH 2014: Gerlach, Julia. *Color Revolutions in Eurasia*. Cham: Springer.
- HAGUE & HARROP 2004: Hague, Rod & Harrop, Martin. *Comparative Government and Politics: an Introduction, 6th Edition*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- HILPOLD 2015: Hilpold, Peter. Ukraine, Crimea and New International Law: Balancing International Law with Arguments Drawn from History. *Chinese Journal of International Law*. 2015. Vol. 14 (2). Pp. 237–270.
- HUBER & SNIDER 2006: Huber, Robert B. & Snider, Alfred C. *Influencing through argument*. Vol. Updated ed. New York: International Debate Education Association.
- KOFMAN ET. AL 2017: Kofman, Michael; Migacheva, Katya; Nichiporuk, Brian; Oberholtzer, Jenny; Radin, Andrew; Tkacheva, Olesya. *Lessons from Russia's Operations in Crimea and Eastern Ukraine*. Santa Monica: RAND.
- LEONAITE & ŽALIMAS 2016: Leonaitė, Erika & Žalimas, Dainius. The Annexation of Crimea and Attempts to Justify It in the Context of International Law. *Lithuanian Annual Strategic Review*. Vol. 14 (1). Pp. 11–63.
- MEYER & WODAK 2001: Meyer, Michael & Wodak, Ruth. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE.
- MITCHELL 2012: Mitchell, Lincoln Abraham. *The Color Revolutions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

SAKWA 2015: Sakwa, Richard. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: I. B. Tauris & Co Ltd.

POSCH 2017: Posch, Claudia. Rhetorical Analysis. Wodak, Ruth (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Politics*. London: Routledge. Pp. 247–261.

REYES 2011: Reyes, Antonio. Strategies of Legitimization in Political Discourse: from Words to Actions. *Discourse & Society*. Vol. 22(6). Pp. 781–807.

ROBINSON 2016: Robinson, Paul. Explaining the Ukrainian Army's Defeat in Donbass in 2014. Black, J. L. & Johns, Michael (ed.) *The Return of the Cold War: Ukraine, The West and Russia*. London: Routledge. Pp. 108–125.

ROMAN, WANTA & BUNIAK 2017: Roman, Nataliya; Wanta, Wayne & Buniak, Iuliia. Information Wars: Eastern Ukraine Military Conflict Coverage in the Russian, Ukrainian and U.S. Newscasts. *International Communication Gazette*. Vol. 79 (4). Pp. 357–378.

VAN DIJK 2014: Dijk, Teun van. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

VAN DIJK 2015: Dijk, Teun van. Critical Discourse Analysis. Tannen, Deborah; Hamilton, Heidi E. & Schiffrin Deborah (ed.) *The Handbook of Discourse Analysis: Second edition*. Chichester: Wiley Blackwell. Pp. 466–485.

VAN LEEUWEN & WODAK 1999: Leeuwen, Theo van & Wodak, Ruth. Legitimizing Immigration Control: A Discourse-Historical Analysis. *Discourse Studies: An Interdisciplinary Journal for the study of Text and Talk*. Vol. 1 (1). Pp. 83–118.

VAN LEEUWEN 2007: Leeuwen, Theo van. Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*. Vol. 1 (1). Pp. 91–112.

VAN LEEUWEN 2008: Leeuwen, Theo van. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York: Oxford University Press.

WEISS & WODAK 2003: Weiss, Gilbert & Wodak, Ruth. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinary*. London: Palgrave MacMillan.

WILSON 2015: Wilson, John. Political Discourse. In: Tannen, Deborah; Hamilton, Heidi E. & Schiffrin, Deborah (ed.) *The Handbook of Discourse Analysis: Second edition*. Chichester: Wiley Blackwell. pp. 775–794.

БТС 2001: *Большой толковый словарь русского языка*. Главный ред. Кузнецов, Сергей Александрович. СПб: Норинт [1998].

БУДАЕВ 2016: Будаев, Эдуард Владимирович. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований. *Политическая лингвистика*. № 6 (60). С. 12–17.

ВПН 2001А: Государственный комитет статистики Украины: *Всеукраинская перепись населения '2001. Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Национальный состав.*

(<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/>).

ВПН 2001Б: Государственный комитет статистики Украины: *Всеукраинская перепись населения '2001. Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Языковой состав.* (<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/crimea/>).

ВПН 2001В: Государственный комитет статистики Украины: *Всеукраинская перепись населения '2001. Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Национальный состав.* (<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/>).

ВПН 2001Г: Государственный комитет статистики Украины: *Всеукраинская перепись населения '2001. Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Языковой состав.* (<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/sevastopol/>).

КОЛМОГОРОВА 2018а: Колмогорова, Анастасия Владимировна. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа. *Политическая лингвистика.* № 1 (67). С. 33-40.

КОЛМОГОРОВА 2018б: Колмогорова, Анастасия Владимировна. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в Российском медиапространстве. *Экология языка и коммуникативная практика.* № 2. С. 99–117.

КУЗНЕЦОВ 2012: Кузнецов, Игорь Николаевич. *Риторика: Учебное пособие.* М.: Дашков и К.

РИА Новости 2014: Крым начал процедуру присоединения к РФ, объявив о независимости. *РИА Новости.* 15:28 17.03.2014 (обновлено: 22:50 01.03.2020). (<https://ria.ru/20140317/999851464.html>).

РИТОРИКА 1358: Аристотель. Риторика (перевод Н. Платоновой). Тахо-Годи А. А. *Античные риторики.* М.: Московский университет, 1978. (<http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt>).

РОЖИН 2015: Рожин, Борис. *Война на Украине день за днем: «Рупор тоталитарной пропаганды».* М.: Алгоритм.

ХАЗАГЕРОВ 2002: Хазагеров, Г. Г. *Политическая риторика.* М.: Никколо-Медия.

Список использованных правовых документов

VENICE COMMISSION 2014: Council of Europe. Opinion no. 762 / 2014 on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of

Crimea in Ukraine to Organise a Referendum on Becoming a Constituent Territory of the Russian Federation or Restoring Crimea's 1992 Constitution is Compatible with Constitutional Principles". 21.3.2014. ([https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2014\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2014)002-e)).

КРЕМЛЬ 2014: Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, 18.03.2014. (<http://kremlin.ru/d/20605>).

ООН 1974: Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1974 года на 2319-е пленарном заседании: 3314 (XXIX) Определение агрессии. ([https://undocs.org/ru/A/RES/3314\(XXIX\)](https://undocs.org/ru/A/RES/3314(XXIX))).

ООН 2014: Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 марта 2014 года: 68/262 Территориальная целостность Украины. (<https://undocs.org/ru/A/RES/68/262>).

УСТАВ ООН: Организация Объединенных Наций. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда, 1945. (<https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>).

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ 2014: Постановление № 48-СФ Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации об Использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины, 01.03.2014. (<http://council.gov.ru/activity/documents/39979/>).

Список изучаемого материала

ИНТЕГРУМ: База данных Интегрум. (<http://www.integrumworld.com/rus/services.html>).

ЛАВРОВ 2014А: Министерство Иностранных Дел Российской Федерации: № 609-20-03-2014: *Выступление и ответы на вопросы депутатов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации Москва*, 20 марта 2014 года. (https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/69626).

ЛАВРОВ 2014В: Министерство Иностранных Дел Российской Федерации: № 623-21-03-2014: *Выступление и ответы на вопросы сенаторов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе 349-го внеочередного заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Москва*, 21 марта 2014 года. (https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/69394).

НАРЫШКИН 2014А: Государственная Дума: *Выступление Председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина на пленарном заседании Государственной Думы*. 21.03.2014 (<http://www.duma.gov.ru/>).

НАРЫШКИН 2014В: Государственная Дума: *Выступление Сергея Нарышкина на заседании Совета законодателей (Таврический дворец, 25 апреля 2014 г.)*. (<http://www.duma.gov.ru/>).

ПУТИН 2014: Кремль: *Обращение Президента Российской Федерации*. 18.03.2014. (<http://news.kremlin.ru/>).

ЦЕРЕМОНИЯ 2014: Кремль: *Церемония подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России*. 21.03.2014. (<http://news.kremlin.ru/>).